

Счастливы по-своему

Автор:

Татьяна Труфанова

Счастливы по-своему

Татьяна Олеговна Труфанова

Юля стремится вырваться на работу, ведь за девять месяцев ухода за младенцем она, как ей кажется, успела превратиться в колясочного кентавра о двух ногах и четырех колесах. Только как объявить о своем решении, если близкие считают, что важнее всего материнский долг? Отец семейства, Степан, вынужден работать риелтором, хотя его страсть – программирование. Но есть ли у него хоть малейший шанс выполнить работу к назначенному сроку, притом что жена все-таки взбунтовалась? Ведь растить ребенка не так просто, как ему казалось! А уж когда из Москвы возвращается Степин отец – успешный бизнесмен и по совместительству миллионер, – забот у молодого мужа лишь прибавляется...

Татьяна Труфанова

Счастливы по-своему

© Труфанова Т., 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Бом-м, бом-м! – через комнату прокатились снежными шарами несколько колокольных ударов. За окном ветер теребил яблоню, и на столе танцевали резные тени; на вазе, на синей глазури пульсировал блик, а в банке цветочного меда – полупустой, полуполной – то вспыхивало, то угасало сияние. Степа макнул в сияние белый хлеб, унес, поймал ртом тягучую нитку. Мед, заполнивший края хлеба, как соты, заглушал сладостью растерянный привкус того, что вот-вот придет: и хорошего, и плохого.

Следом за колокольным звоном слышались ритмичные и сильные удары.

– Да это прямо ого! Прямо симфония, э. – Степа склонился к музыканту. – Вопрос, чья?.. Бетховен? Или Бах?

«Ба-бах!» – подтвердил музыкант, ударив половником о стену печи.

Темноволосый крепыш в красной футболке и белом пышном подгузнике стоял, широко расставив голые ноги, одной рукой опираясь о печь и улыбаясь во все три зуба.

– Эх, Ярослав Степаныч! Не знаешь ты, м-да, не знаешь, что тебя ждет. Я бы на твоём месте выбрал Бетховена. Пятую. Па-па-па-паам! – Степа напел грозные начальные такты, косясь на метавшуюся по комнате жену.

Бегая, она огибала тазик, подставленный под капе?ль с потолка. Ночной дождь показал, что крыша опять начала протекать. Но это была такая ерунда по сравнению с... эх!

Степа чувствовал, что прожил последние месяцы в золотом коконе счастья (которого не ценил, как надо было), а теперь кокон треснул и через ширившуюся трещину втискивалась чужая и грубая жизнь.

Проносившаяся Юля остановилась и схватила музыканта.

– Bravo, красавец мой! А теперь прости... – она звучно чмокнула малыша, – прости... прости... – Чмокая, она вытянула у него половник и, едва только Яся

включил свою сирену, всунула ему резинового котика.

Спустив Ясю на пол, Юля побежала из большой комнаты в одну из двух маленьких, примыкавших к ней, – в ту, которую можно было назвать кабинетом (потому что в ней размещался стол с компьютером Степы) или гардеробной (потому что едва ли не половину ее занимал платяной шкаф-купе). В семье за цвет стен называли ее беленькой. (Через стенку была миниатюрная красненькая, она же спальня.)

– Не успеваю, ничего не успеваю! – бормотала Юля, прямо как Белый кролик из «Алисы».

Степа проводил ее взглядом. В голубом лифчике соблазнительно колыхалась грудь, домашние легинсы обтягивали округлый зад и мягкий животик. Жаль, что жена спешит.

Яся разочарованно вскрикнул: он встал, но не мог дотянуться до зеленых листьев традесканции, обжившей устье печи (год назад треснул дымоход, на ремонт до сих пор не нашлось денег). Степа подхватил Ясю под мышки и понес к беленькой. Он с сыном встал у двери, наблюдая за Юлей в большом, от пола до потолка, зеркале, которым были облицованы двери шкафа.

«Ну зачем, зачем тебе понадобилось менять их налаженную жизнь сейчас? Подожди немного! – хотелось Степе сказать ей. – Подожди, Воробей, совсем скоро у нас будет столько денег, что я выстелю для тебя ковровую дорожку куда захочешь! Устроим все как надо, а не сикось-накось... подожди».

Жена уже втиснулась в юбку-карандаш и сейчас застегивала мелкие пуговицы на блузке. В большом зеркале отразились все трое. Над плечом невысокой Юли Степа видел свое кругловатое, простоватое лицо («тюфячное», как он сам думал; лет в шестнадцать он негодовал, что не дали ему героический профиль да черные глаза с искрами, потом привык, хотя считал, что для первых встречных лицо его говорит: «Я не знаю, я как скажете, так и сделаю»). Сбоку, из-под Степиной руки, выглядывал встрепанный Яся, заинтересованный мальчиком в отражении.

– А кто это у нас в зеркале? – спросил отец сына. – Ба! Это будущий Рэмбо! Сегодня вечером, да, первым делом, как я вернусь с работы, мы с тобой – ух!

Начинаем тренировки со штангой.

– У тебя есть штанга? – поинтересовалась Юля.

– Купим. На тропу войны нельзя выходить хляком, правда, Быстрый? Нам нужны мышцы! Мышцы. Чтобы ленты патронов обвивали тело атлета. Она тебя – шлеп, а ты ей – бамс! Хук правой. Она на тебя: гав-гав-гав! А ты ей: тра-та-та! – из пулемета. Она тебя бросит в пустыне, в песочнице, а ты...

– Простите, а кто эта она?

– Ну как же? Вандер-вуман, которую мама отыскала. Домомучительница по имени Гуля. Ничего, Яся, ничего! Отобьемся! Научу тебя приемам борьбы баритцу...

– Да, без этого с тихой узбекской женщиной никак не справиться.

Юля забрала у него младенца и унесла в большую комнату, усадила на полосатую, вязанную из лоскутов дорожку – одну из тех, которыми они застелили комнату, когда Яся начал ползать, – и поставила перед ним коробку с кубиками. Склонившись над сыном, Юля что-то вполголоса зажурчала ему, стоя боком к Степе. Кто-то другой сказал бы, что нос у нее великоват, а подбородок, наоборот, маленький, но Степе она с первой же встречи казалась самой очаровательной на свете. Временами Юля была похожа на забавную большеглазую птичку или зверька, а иногда – упадет как-то по-особому свет, посмотрит жена исподлобья и – ах! красавица.

– Посмотри, как Быстрый к тебе тянется! – заметил Степа.

Яся тянулся и дотянулся: он схватил Юлю за волосы железной хваткой и в восторге захохотал. Юля пыталась вытащить у него из пальчиков волнистую темную прядь, но Яся не поддавался.

Большие напольные часы, стоявшие рядом со входной дверью, двигали минутную стрелку вниз, к половине десятого. Последние минуты счастливой жизни втроем. Степа огляделся: главная комната его дома, бывшая сразу и кухней, и столовой, и гостиной, в последние девять месяцев стала еще и

детской. Сколько раз Степа вставал из-за обеденного стола с тарелкой супа, уступая место Юле, а та раскладывала на столе Ясю, меняя ему подгузники и пеленки. На беленой печи раньше жили стопки книг, теперь они задвинуты вглубь, оттесненные коробками с распашонками и ползунками. Посреди просторной комнаты они с Юлей, танцоры-неумехи, когда-то изображали твист и смеялись до упаду, а сегодня утром он, избежав столкновения с тазом, чуть не поскользнулся здесь на пластиковой пищалке. Красненькая комната стала как набитая шкатулка: между двуспальным ложем и стенкой втиснули Ясину кроватку-манеж. От входной двери до противоположной стены – двенадцать шагов, это Степа выучил вечерами, когда на руках укачивал Ясю. Над комодом раньше висел портрет густо накрашенной мадам кисти какого-то нидерландского экспрессиониста, а потом, в ознаменование новой эпохи в своей жизни, Юля заменила эту репродукцию на другую: ренессансную мадонну, удивленными глазами взирающую на своего беби. И вот, здрасте-пожалста, теперь мадонна Юлия сбегает от младенца!

Степа пытался отговорить жену, но она ни в какую не поддавалась. Лепетала что-то, стонала, невнятно и сбивчиво объясняла – он так и не понял, чем плохо сидеть дома с любимым сыном. Понял только, что каждый спор упирается в ее слезы, – и бросил спорить. Он чувствовал себя бессильным и даже не мог никому пожаловаться: сам считал, что в двадцать первом веке такие жалобы глупы. Ай, трагедия: жена решила выйти на работу! Нашла няню! Он заранее не любил эту тетку, пусть Юля описывала ее как милую и скромную. Любой согласился бы, что девятимесячному ребенку будет хуже с чужой женщиной, чем с родной мамой. Так зачем это все, если Ясе гарантированно будет хуже?

Изящная минутная стрелка указала вниз: ровно полдесятого.

– Сейчас она придет! – объявила Юля, вытянувшись от нетерпения.

Она усадила Ясю в высокий стульчик и регулярно подавала сыну в рот кашу, ложка за ложкой. Юля уже была одета и собрана, а Степа, собиравшийся выйти на работу через десять минут, вынул из шкафа белую рубашку и унылый синий галстук, вздохнул, откусил от бутерброда с колбасой, заменил синий галстук на бордовый и снова вздохнул. Яся, приняв с десятков ложек питания, стал раскачивать стул и громко проситься на волю. Юля выпустила его, но кормить не перестала: теперь она бегала за Быстрым с ложкой, а Быстрый улепетывал на четвереньках от нее.

– Простите, конечно, но хотя бы в первый день можно было бы не опаздывать! – сказала жена.

– Позвони этой... Гуле.

Юля неопределенно покачала головой и выставила на обеденном столе снаряжение для Ясиного обеда: чашки, ложечки, каши и пюре, а еще – четыре исписанные страницы. Майский ветер вздул пузырем занавеску у открытой форточки, взметнул листки, но Юля их подхватила.

– Что это?

– Да так. Чем кормить, с чем играть, где спать и так далее. Я все проговаривала, но на всякий случай.

– Любопытно, да умеет ли узбечка Гуля читать по-русски?

– Ну, я надеюсь... Мы с ней переписывались. В эсэмэсках, – ответила Юля.

По странному совпадению именно в этот момент ее мобильный загудел, как жук, подавая сигнал об эсэмэс.

– Наверняка Гуля... Пишет, что сейчас придет? – пробормотала Юля, тыкая в телефон.

Яся, предоставленный сам себе, тащил через всю комнату невесть как добытые кружевные трусы матери. Степа попытался их изъять.

– О боже, – донесся до него деревянный голос Юли.

– Что такое? – оглянулся Степа.

Юля стояла, как потерянная, держа в безвольно упавшей руке мобильный.

– Я не останусь. Я жила этим днем, я дни считала до выхода на работу. Двенадцать человек отсмотрела, пока Гулю... Объявления эти, зарплату хотят,

какой у меня не было никогда, а сами с грязными ногтями, и... Казалось, хорошая. Яся ей улыбался! Как можно так, в последний момент?!

Степа, сунув трусики в карман, подошел к жене, прочитал эсэмэс. «Извинити не буду больше у вас работать нашла другое место там больше денег Извинити всег благ. Здоровья Ясичке!»

За окном тихо пел скворец. Яся залез под стол, елозил машинкой по деревянному полу.

Степа перечитал послание.

– Ура-а! Гип-гип-ура! – закричал он.

Выкрикивая что-то на мотив сиртаки, он затанцевал дикий танец вокруг замершей Юли. Яся высунул голову из-под стола.

– Извини, извини! Нет, я понимаю, ты ждала, а она – безобразие. Но послушай, а если? Верил бы я в мистику, сказал бы: это знак. И был день, и свинтила нянька, и был в этом – знак! Послушай, Воробей, зачем? Ты полтора месяца шерстила сайты, тучу объявлений отсмотрела, обзвонила. Еле-еле нашла, чтоб за наши деньги – адекватная тетка. И нате – чао, крошки! Угу. А между прочим, мы бы ей отдавали почти всю твою зарплату, да. Разве это не смешно? Я не в смысле твоей зарплаты, а в смысле: любая нянька с пятью классами хочет больше денег, чем у тебя, извини, с дипломом и кандидатской. Выгоды – навар с яиц. Навар с яиц за то, чтобы с Ясей сидела какая-то непонятная тетка. Зачем? – возбужденно говорил Степа. – Еще кто знает, что было бы! На первый взгляд сю-сю-сю, люблю деточек, а останется одна – Яську в манеж, сама смотреть телевизор. Угу. Зачем нам это? У тебя декретный отпуск – три года. А потом Степаныча в детский сад возьмут. Да вообще он уже будет взрослый мужчина. Подожди! Ну, Юль, подожди!

– Я не могу, Степа, – произнесла жена с какой-то кривой улыбкой.

– Да-да-да, – сказал Яся.

Степа подхватил его на руки и подошел к жене, обнял ее другой рукой так, чтобы они прижались все трое друг к другу.

– Ты прямо расстроилась? Взяла и расстроилась? Воробей мой любимый... Все наладится. Не раскисай. Ой-ей-ей. Что делать? Хочет на работу жена. Хорошо-хорошо. Пойдешь на работу. Я же не в смысле, мм, я в смысле... Ладно, на работу. Подумаешь, попозже на пару недель. Все наладится. Ты отсмотришь еще пятнадцать нянь, да, найдешь Гулю получше этой. Подождет тебя твой музей. Неделю, месяц, сколько надо, подождет. Побудешь еще чуток с Быстрым, – говорил он ей на ухо.

Степа передал сына Юле на руки, она взяла его заторможенно. Яся уронил маме на хлопковую блузку комочек каши.

– Степаныч, береги маму! Юль, я одеваюсь и на работу. Я вам позвоню еще.

– Позвонишь нам? – У Юли вспыхнули глаза.

Она вытянулась в струну, сжав кулачки, и стиснула губы так плотно, что те побелели. Степа и шага сделать не успел, как она вцепилась в него и сгрузила сына оторопевшему мужу в руки.

– Это я пойду на работу, – отчеканила Юля. – А ты останешься, ты будешь искать няню, отсмотришь еще пятнадцать, найдешь Гулю получше. Подождет тебя твое агентство пару недель. А я пойду на работу!

Степа был в изумлении: Юля никогда так с ним не говорила! Что случилось с его нежной и мягкой женой?

– Извини, извини... что?

Степа медленно спустил с рук сына.

Юля схватила сумку, зеленый жакет и направилась к выходу. У двери она обернулась.

– Я сидела с Ясей девять месяцев. Теперь ты с ним посидишь пару недель. Пока не найдем няню. Завтрак он съел, на столе обед и все инструкции.

Жена зыркнула на Степу огненными, непривычными глазами и вылетела за дверь.

– Нет, погоди! – вскричал Степа.

Кинуться за ней ему помешал грохот. Озадаченный Яся сидел, держа в руке скатерть с обеденного стола. Впервые отколол такой фокус. По полу с дребезгом катилась чудом уцелевшая ваза, извергнув из себя воду и ветки сирени; белая, в муку смолотая каша рассыпалась длинным мазком по доскам и коврику; горкой синели черепки чашки; серебряные ложечки разлетелись; листки «что есть, где какать» легли веером, а из разбившейся банки вытекал прозрачный на темном полу мед.

Яся потянулся к меду, к вздетым вверх осколкам стекла. Степа коршуном сдернул его с пола, и сын, расстроившись, заорал.

– Ексель-пиксель! Ох, Степаныч... Ох, бедный-бедный. Ничего, сейчас маму догоним, мама тебя утешит.

Степа все еще был в домашних бермудах и футболке, но переодеваться не было времени. С Ясей на руках он выбежал во двор. Первый взгляд упал на «девятку». Возиться с зажиганием? Не сейчас. Да и не надо, не могла Юля далеко уйти. Степа вернулся в дом, вытащил с холодной веранды коляску. Он усадил, пристегнул сына и уже готов был помчаться, как ощутил прохладный ветерок... Май-месяц, плюс семнадцать, не больше. Яся в коляске поднес ко рту голую ногу. Степа ругнулся, снова вбежал в дом и схватил первое, что попало на глаза, – цветастый павлопосадский платок. Он укутал Яську прямо в коляске, как мог, и теперь выкатился с ним за калитку.

Частный дом (точнее, полдома), в котором жил Степа, помещался на улице Гороховой – тихой зеленой улочке. Как горошины в стручке, в ней вместились два ряда одноэтажных, редко двухэтажных домов. Некоторые из них были построены лет шестьдесят назад, после войны, а какие-то – и сто лет назад. Крашенные в вишневый, голубой, серый, желтый цвет домики выглядывали из-за заборов, из-за кустов малины и жасмина, из-за кудлатых грушевых и

яблоневых деревьев. На тропинке клевали жучков две курицы, по асфальтовой дороге ехал мужик на велосипеде. Юли, конечно, уже не было видно.

Степа побежал с коляской налево. Дорога к музею Юли простая – по Гороховой налево, на улицу Льва Толстого, а по ней до проспекта.

Заложив лихой вираж коляской на углу, он свернул на Льва Толстого. Юли и тут было не видать, но, наверное, она ушла дальше, сейчас догоним... Льва Толстого была довольно широкой двухполосной улицей с несколькими перекрестками. Приговаривая Ясе «сейчас-сейчас», Степа добежал до следующего перекрестка. Пришлось подождать, пока проедет вереница длинных темных машин-катафалков.

В появлении катафалков не было ничего удивительного, так как порядочная часть Льва Толстого граничила со старым кладбищем, на котором начали хоронить еще триста лет назад, а сейчас время от времени подхоранивали наиболее удачливых покойников на участки к родственникам.

Степа с Ясей перелетели перекресток – литые пластиковые колеса коляски прогрохотали на бордюрах, и Яся довольно взвизгнул – и помчались вдоль кирпичной, крашенной в красный и выцветшей до розового кладбищенской стены. Столетние тополя лили из-за стены густую прохладную тень на головы прохожих. На правой стороне улицы деревянные домики сменились солидными зданиями в три и четыре этажа.

Впереди тротуар перегородила похоронная процессия – в ворота кладбища вносили гроб, щедро украшенный растрепанными цветами; наверное, несли отпевать в Вознесенскую церковь – бело-голубой одноглавый храм, стоявший на старом кладбище недалеко от входа, звон от его колокольни легко долетал до Степиного дома.

Процессия втянулась в ворота и освободила путь, а также освободила вид. Казалось бы, уж за ней-то должна была обнаружиться фигурка Юли в зеленом жакете. Но почему-то до самого конца улицы ее было не видать... Ах, нет! На дальнем светофоре, на углу с проспектом, мелькнула, выдвинувшись на секунду из-за группы прохожих.

Степа припустил быстрее. Из проезжавшей с опущенными стеклами «тойоты» разносилась громовая «умца-умца», впечатываясь в уши всех застигнутых на улице. Ветер швырнул Степе в лицо неопознанную мелкую шелуху. Коляска дребезжала колесами, люди удивленно посматривали на отца с ребенком, развившего гоночную скорость. Навстречу шкандыбала толстая старуха с продуктовой сумкой-тележкой, Степа вильнул, уклоняясь от нее, но старуха зачем-то тоже вильнула – бзынь! – тележка и коляска соприкоснулись и сцепились колесами. Степа чертыхнулся, а Яся от таких кульбитов вскрикнул и заплакал.

– Быстрый, не надо! Тише, тише, малыш! – гладил он Ясю, но тот не унимался.

Под вопли Яси и ругательства старухи Степа расцепил их колесные средства и скорей потащил Ясю дальше.

– Чем же, чем тебя успокоить? – Степа забежал вперед и покатил коляску, пятясь задом и корча для Яси разнообразные смешные рожи. Скорость снизилась, зато сын стал успокаиваться.

– А я играю! На гармошке... – Чтоб закрепить успех, Степа запел первую пришедшую ему в голову песню. Прохожие смотрели на это шапито и улыбались.

Успокоив Степаныча, он побежал нормальной рысцой, лицом вперед и выскочил на перекресток с проспектом Мира. По главному проспекту города Домска ехали автомобили, троллейбусы, грузовики и мопеды. Казалось удивительным, что от этой гудящей артерии всего пятнадцать минут хода до тишайшей Гороховой улицы. Тротуары были полны людей, спешащих на работу. Где же беглая мать?

Метрах в тридцати впереди, у троллейбусной остановки, из-за газетного киоска показалось зеленое плечо, темно-шоколадное каре над ним.

Степа с коляской перебежал по зебре и устремился к киоску. Его обогнал троллейбус, шедший к Соборной площади – там стоял музей Юли. Народ на остановке кучно двинулся к краю тротуара.

– Юля! Юля, не уезжай!

Он успел, он докатил до остановки и уже протянул руку к спине в зеленом жакете – и тут понял, что эта спина гораздо шире, чем надо.

– Подожди, – машинально произнес Степа.

Несколько человек из толпы оглянулись на него, в том числе женщина в зеленом – незнакомая тетка с утиным носом. Степа потерянно молчал. Троллейбус всосал в свои двери всех, кто хотел уехать, и отбыл.

– М-да... Сам во всем я виноват, потому что простоват, – пробормотал Степа строчку из забытой сказки. – И что теперь прикажете делать?

Он нашарил в кармане какую-то мягкую тряпочку и вытер ею вспотевший лоб. Стоявшие по соседству подростки прыснули и разразились ослиным ржанием, и Степа догадался посмотреть, что у него в руке: розовые кружевные трусы. В сердцах Степан бросил их в урну и покатыл куда глаза глядят.

Непонятно, куда делась Юля, как она успела так быстро промчаться по улицам... Да этой ли дорогой она пошла? Понятно, что на работу надо было идти именно так, но если она отправилась не на работу... а куда же? Впрочем, какая разница куда! Позвонить ей немедленно и... Степа снова полез в карман и вспомнил, что конечно же оставил мобильный дома.

Он присел перед Ясей на корточки.

– Мы сейчас потопаем домой, Степаныч. Не спеша. Я позвоню на работу, да. Скажу, что задерживаюсь. Потому что понедельник начался не с той ноги, угу, с какой-то совсем левой ноги. Такой план: идем домой, а тем временем твоя мама приходит в чувство. Она вернется. Если сама не вернется, то мы ей позвоним и скажем: ата-та! Ата-та! И пальцем погрозим. Тогда она точно придет в чувство. Вот так, Быстрый. Договорились? Такой план.

Город Домск расположен не близко, но и не слишком далеко от обеих столиц: часов за пять можно доехать до Москвы и до Петербурга. Как в каждом областном центре, здесь есть памятник Ленину, уродливое кубическое здание бывшего обкома, а ныне городской администрации, свой университет, большой стадион, парк и несколько заводов. Как во многих старинных городах России, здесь сохранился кремль – пятисотлетняя крепость, из-за стен которой выглядывают золотые и серебряные купола. А еще в Домске есть река главная – Межа, впадающая в нее узкая Волховка, масса достопримечательностей (если верить гидам), собственный драматический театр, а еще музыкальный театр, прекрасный художественный музей и бронзовый памятник сахарной голове – потому что давным-давно в этом городе делались состояния на сахаре и сладостях. Центральные улицы обсажены липами, тополями и каштанами, в их тени весьма приятно прогуливаться жарким летом. На окраинах есть места, куда одинокому прохожему по вечерам заглядывать не рекомендуется, и не только потому, что битые бутылки и использованные шприцы портят вид тротуара. Впрочем, такие районы есть, наверное, почти в каждом городе.

Столичные туристы и командировочные отмечают, что Домск «выглядит скромно» (денег здесь меньше), а еще говорят, что это «милейший город» и даже «сразу видно, с историей».

Около полудня, когда небо над Домском улыбалось во всю лазурную ширь и по лениво текшей реке Меже плыл прогулочный катер с полудюжиной туристов, разбрасывая вокруг себя пестрые и веселые отражения, когда дети с упоением возились в песке, катались на великах и самокатах и по случаю погожего дня даже убрали в карманы гаджеты, в город по шоссе, начинавшемуся у Москвы, въехал редкого вида автомобиль, похожий на сигару с заостренным концом – «Ситроен ДС» цвета южного вечера. Надо сказать, по Домску ездило достаточно машин, выпускавшихся в 60-х и 70-х годах прошлого века, но в сравнении с этой они были что колченогие табуретки рядом с антикварным стулом. Модель ДС («дээс», «богиня», как ее называли неофициально) посетила этот город впервые. Автомобильная богиня словно вчера сошла с конвейера, ее мотор, побывавший в руках чудо-механика, обеспечивал на шоссе приличную скорость, а на кожаных сиденьях цвета ириски виднелась лишь пара царапин.

В свежeweмытых синих боках богини сначала отразилась шеренга окраинных многоэтажек, затем более почтенные здания проспекта Мира, а затем и белая, слоновья стена Домского кремля и вынырывающие из-за нее луковицы храмов на тонких шеях.

«Ситроен» остановился на Соборной площади (семьдесят лет именовавшейся площадью Коммунизма). Медленно поехало вниз стекло, на его край легла красивая мужская рука с отполированными ногтями, с мятой пачкой мятного холодка в пальцах. Владелец руки извлек последнюю шайбу холодка, демонстративно пульнул обертку на брусчатку и промурлыкал: «Ну, здравствуй, дыра!» Это случайно услышал шествовавший на работу директор Домского художественного музея, человек с ястребиным взглядом и богемной седой шевелюрой, – услышал и поперхнулся от возмущения.

Синяя сигара «Ситроена» совершила круг по центру города. Ее владелец увидел выросшие торговые центры с вульгарно-яркими вывесками и колокольню с острым шпилем, которой никогда не было на его памяти, однако смотрелась она так, будто стояла здесь всегда (потому что была восстановлена в точности взамен той, что разрушили еще в 1920-х годах). Он увидел, что некоторые из знакомых ему особняков сияли свежей краской, как пасхальные яйца, а другие обветшали до дыр в окнах. Одни деревья срубили, другие вымахали... Всего за десять лет город изменился, как меняется за десять лет человек.

Синяя «дээс» остановилась на улице Жуковского, центральной, но отнюдь не фешенебельной. Из машины легко вышел мужчина лет пятидесяти пяти. Его медальный профиль позолотил европейский загар, чуть вьющиеся волосы цвета «перец с солью» были подстрижены не длинно и не коротко, а в самый раз, карие глаза смотрели вперед с ироничным прищуром. Его блестящие ботинки выглядели дорого, шоколадная замшевая куртка – еще дороже, а золотой ободок часов нахально кричал из-под манжеты: «Очень, очень дорого!»

Этот щеголь, как ни странно, от угла свернул на Гороховую – улицу, на которую туристам было заглядывать незачем. Он шагал сначала бодро, затем медленней, затем остановился и пораздумывал немного, но все же продолжил свой путь к дому номер пять. Из-за выкрашенного в сизый цвет невысокого забора отлично просматривался зеленеющий двор, машина во дворе и стоявший чуть в глубине обшитый досками дом. Владелец «богини» потоптался немного, покусал губу и решительно вдавил кнопку звонка у калитки. Прошла минута – на долгую трель никто не отозвался.

– Значит, он на работе, – сказал сам себе приезжий. – О'кей, к лучшему. А то б появился я, как голый, без подарков...

Когда красавец в летах вернулся к машине, его окликнул хрипатый голос.

– Товари... команди... – Алкаш с лицом цвета персидской сирени начинал обращение, но осекался, разглядывая этого господина, не только великолепно одетого, но и отличавшегося заграничным лоском. Наконец он подобрал ключик.

– Мистер! Гив ми!

– Чего тебе гив?

Алкаш удивленно открыл рот и схватился за лацканы своего бордового бархатного пиджака.

– Сто рублей, – сказал он.

– А тебе зачем? – грубовато спросил мистер.

Алкаш помялся, но понял, что с этим человеком лучше не хитрить.

– На водку! На нее, отраву.

– Не дам, – отрезал господин. – Во-первых, это банально, во-вторых, сам говоришь – отраву. А я не люблю банальностей и не отравитель.

– Тогда на вино дайте, – нашелся алкаш.

Мистер усмехнулся и протянул сизому носу сторублевку. Но бомж подумал и купюру не взял.

– На вино, господин хороший, ста рублей не хватит.

– В самом деле! – воскликнул приезжий, развеселившийся от наглости алкаша. – Надевая такой пиджак, надо пить по меньшей мере «Шато Латур»! Сколько ж ты хочешь?

Алкаш почесал в затылке.

– Ну, на вино-то... Рублей двести... или триста. Дайте столько, чтоб вы не обеднели! – сказал он.

Последними словами алкаш попал в яблочко. Господин хороший покачал головой и достал из портмоне пятитысячную бумажку.

– Держи. Я не обеднею!

Через десять минут «Ситроен» припарковался у отеля «Националь» (единственной гостиницы в Домске, удостоившейся четырех звезд). В отеле пришелец сказал, что сегодня утром забронировал номер «люкс» и зарегистрировался под именем Богдана Анатольевича Соловья. Двухместный абрикосовый «люкс» с антикварным резным комодом господин Соловей оглядел с легкой улыбкой. «Бывало и получше, но... – сказал он сам себе, – не надо требовать от Домска слишком много». Оставив в номере чемодан, Соловей отправился дальше.

Юля бежала по улице, сама не понимая куда. Ее несло. Ее несла волна злости. Довольно с нее! Как может Степа быть таким меднолобым, не понимать, что... Здесь слова терялись и сливались в рычание.

Останови сейчас кто-нибудь Юлю, спроси у нее, отчего ей так не терпелось выйти на работу, почему еще один месяц – подумаешь, всего месяц дома! – предстал перед ней невыносимой тяжестью, она не смогла бы объяснить внятно. Она пыталась объяснять Степе когда-то, но изо рта будто падали жабы – вялые, аморфные жабы. У меня нет времени для себя. Смешно! А чего ты хотела, милочка? Я не высыпаюсь. Пфф, разумеется! Я тупею, я превратилась в безголовую курицу, я теряюсь перед самой простой задачей, боюсь решиться и ошибиться... Ну, это у вас гормоны, такое у многих бывает.

Когда она начинала что-то говорить Степе, то прерывала себя на середине жалобы: «ладно, пройдет», потому что слова ее звучали банальным нытьем, потому что тут же в голове ее возникали громкие и уверенные возражения, перечеркивавшие жалобу к чертовой матери. Беспомощность накрывала Юлю тяжеленным, беспросветным войлочным шатром, но когда она была в этом состоянии, то была одна (в смысле, одна с Ясей), а когда выныривала из него – почему-то не находила слов, чтоб его описать.

И ведь Юля совсем не была дурочкой. Двадцатилетняя начитанная женщина, кандидат искусствоведения с диссертацией по сиенской школе живописи четырнадцатого века. Между прочим, водила экскурсии по художественному музею. Видимо, большая часть словарного запаса вылетела из нее вместе с криками во время восемнадцатичасовых родов.

Перед Юлей возникла узкая речка с поросшими травой берегами, плеск воды перекрывала попсовая музыка, доносившаяся из ресторана напротив с вывеской «Дворянское гнездо». Только тут она поняла, что автоматически свернула не туда, вылетев из дома. Вместо того чтобы идти к проспекту Мира, откуда можно было доехать до работы, она побежала в сторону реки Волховки, вдоль которой обычно гуляла с коляской.

Ох! Теперь она опоздает еще сильнее!

Юля развернулась и пошла в сторону проспекта. Она заметила, что идти ей как-то неудобно. С туфлями все в порядке. Так что же?.. Да ведь она впервые за последнее время идет одна! Без коляски. Вот почему так странно чувствует себя тело: привыкло ходить, наклоняясь вперед, толкая коляску и одновременно опираясь о нее. За месяцы материнства Юля превратилась в колясочного кентавра о двух ногах и четырех колесах. Ах так? Адье, кентавр!

Скорей в музей, скорей на работу! В ее любимый отдел западноевропейского искусства. В этих трех залах, где висели полотна караваджиста Прети и барочного мастера Джордано, ласкового к деталям Вербрюггена и пышного Яна де Бана и еще многое, Юля в наибольшей степени чувствовала себя дома. Не в квартире родителей, где она прожила первые двадцать четыре года жизни, и не дома у Степы, где она поселилась два года назад, после свадьбы. Почему-то именно в этих залах – на втором этаже вместительного желтого особняка на Соборной площади. Три месяца назад, когда стало особенно трудно, Юля повесила над комодом открытку с репродукцией одной из картин музея, златовласой Мадонны с младенцем кисти сиенца ди Бартоло. Смотрела на нее и думала: я выдержу! я вернусь, я скоро увижу эту картину вживую.

В голове играл развеселый джаз-банд. Ало-желтые тюльпаны, росшие в чьем-то палисаднике, качали головами в веселом недоумении. Как, ты все-таки вырвалась?! Проходя мимо облепленной белым-душистым яблони, тянувшей ветви из-за забора, Юля сорвала пригоршню цветов и вдохнула с наслаждением.

Боже! Свобода!

Кварталы частных домов в окружении зелени кончились, начались приземистые здания, заселенные разными учреждениями. Мимо них, скучных, Юля прошла быстрее и вышла на проспект. Широкий проспект Мира расстился перед ней налево – к стадиону, университету, Зачатьевскому монастырю-музею и дальше к окраинам – и направо – к Соборной площади и Кремлю, находившимся на набережной Межи, и дальше к Заречью. Юля помнила, что собиралась идти на работу, но ее охватило странное ощущение – будто она свободна, свободна лететь, как вот этот пух одуванчика, лететь в любую из четырех, нет, двадцати четырех сторон! В сумке зазвенел мобильный, Юля мельком глянула на экран (Степа звонит) и бросила телефон обратно. Не буду брать трубку. Справится, не маленький.

Юля расправила руки и потянулась. Сладко заныла спина, давно болевшая от ношения на руках ясно кого. К остановке подъехал автобус, и Юля впорхнула в него, даже не смотря на номер, отчего-то уверенная, что ее повезут куда нужно.

Свободна! И нет нужды торопиться. Мимо окна проплывали внушительные здания, деревья, рекламные щиты. Юля сидела, закинув ногу на ногу, чуть покачивая носком. Она вспомнила, как рявкнула на Степу, и засмеялась. Да, это была штука! Никогда, ни разу в жизни с Юлей такого не было: чтобы откуда-то из глубины поднялась волна – то ли гнева, то ли непонятно чего, какого-то очень горячего, мощного чувства – поднялась волна и захлестнула. И все, что Юля говорила, несясь на гребне этой волны, – все казалось единственно возможным, бесспорно правильным. Она и не знала, что быть в гневе – так классно!

Автобус с шипением раскрыл двери, водитель объявил: «Конечная». Юля вышла и ничуть не удивилась, увидев перед собой бежевое здание вокзала. Ведь отсюда начинается столько дорог, а она – наконец свободна!

Громадный, с десятиметровой вышины потолком главный зал был почти пуст, только к двум кассам прилепились хвостики-очереди. Юля встала в одну из них. Где-то позади остался Степа и еще ясно кто, тот, от кого она не могла и на шаг отступить так долго, тот, кто проводил почти все время у нее на руках, у груди, на коленях... «Им со Степой хорошо, они справятся» – вот такая мысль танцевала в звенящей от свободы Юлиной голове, и она не хотела вдаваться в детали, кто как справится.

В кошельке у нее было достаточно денег. Она откладывала их – сейчас Юля даже не помнила на что, но теперь это было неважно. Потому что она свободна, наконец свободна – и ее первая задача: выбрать, куда отправиться. Юля прошлась взглядом по электронному табло со строчками поездов. Москва, Симферополь, Казань, Рига... О, благословенные возможности, сколько же вас! А ближайший поезд куда? Санкт-Петербург! Именно. Это же ее давняя мечта – повторить студенческую поездку: слоняться по набережным, изучать разноцветные блики в каналах, потереть нос гранитному сфинксу, поселиться в Эрмитаже, бродить по Летнему саду.

Подошла ее очередь, и Юля скоренько купила билет в Питер. До отправления было минут семь, она неспешно пошла на перрон. На губах Юли танцевала блаженная улыбка. *Liberte!*

По платформе беспокойно топтались граждане с чемоданами и сумками, заранее настроясь на суету. А Юля шествовала плавно, в радужном облаке своей вновь обретенной свободы. Ветер ерошил ее обросшее каре, гладил лицо. Она раскинула руки – ветер был готов подхватить ее. Куда унести тебя, милая? Весь мир перед тобой! Хочешь – лети!

Загудел поезд, блеснул передним фонарем, надвинулся с гулом. Юля подошла к своему вагону – номер семь (счастливое число!). Молоденькая проводница, наморщив лобик, всмотрелась в ее паспорт, затем взяла билет и надорвала его: «Проходите».

О боже!

Проходить уже было некому. Беззаботная путешественница, которой открыт весь глобус, исчезла, потому что в тот самый миг, когда проводница надорвала рыжую полосу билета, с бумажным треском сорвался пластырь забвения, с пшиком исчезло радужное облако, Юля пришла в себя.

Яся!

На Юлю обрушилось ясное осознание того, что она сделала: она бросила своего ребенка! Она же бросила Ясю!

В ужасе Юля кинулась прочь с перрона. Она выбежала на вокзальную площадь, думая только об одном: как Яся? Господи, что с ней случилось? Как она могла оставить Ясю?

Она нырнула в первое попавшееся такси, согласившись на первую названную цену. А если Яся проголодается, а Степа не поймет, почему он кричит... А если Яся захочет спать, а Степа не вспомнит, что надо его укачивать в коляске... Если Степа сядет за компьютер и забудет обо всем, а Яся упадет и расшибется... Или Степа его посадит в манеж и Ясечка там будет кричать, но никто не придет... Или просто он будет скучать по ней, будет искать глазами маму, а мама... Как, как она могла так разозлиться на Степу, что забыла о самом главном – о своем ребенке?!

Через двенадцать длиннейших минут такси остановилась на Гороховой. Юля выскочила из него, сунула водителю деньги и даже не подумала о сдаче. Влетела во двор, открыла дверь и замерла на веранде. Отдышаться. Успокоить грохочущее сердце. Что бы ни случилось...

– Ты доел, Быстрый? – услышала она спокойный голос мужа. – Ты наелся? Молодец! Мужик!

Юля чуть приоткрыла дверь в комнату и затаив дыхание глянула в щелочку. Степа вынимал Ясю из высокого детского стульчика. Он подкинул его – невысоко, на пару сантиметров, и тут же поймал; Яся издал довольный крик.

Юля едва не заплакала от облегчения, а через секунду почувствовала боль. Им хорошо вместе. Они словно и не заметили, что она ушла.

– Давай поваляемся тут на коврике, Быстрый, – говорил муж. – Я тебе сказку расскажу. А? Хочешь?

Юля протянула руку к дверной ручке, но, услышав следующие слова, остановилась.

– Жила-была одна глупая женщина. Нет, сначала, да, сначала она была не глупая. А потом – ух! Ей под хвост попала чудесатинка. Причем изначально у нее и хвоста-то не было. Не спрашивай, как так. Попала чудесатинка, а от этого у нее вырос хвост и во-от такие зубищи. И еще когти – длиннющие когти в красном

маникюре.

Чудесатинка – это жучок, крохотный такой, красноглазый, – подскочила и – цап! Цап ее за попу! А она так испугалась, что подскочила вверх на метр, врезалась головой в потолок и от удара – да, от удара у нее все мозги через уши вылетели. Может, самая чуточка мозгов осталась. Представляешь, Степаныч? Ай-яй-яй, без мозгов-то нехорошо.

Ну, теперь у нее мозгов нет, хвост есть, зубы, когти. Она когти в маникюре растопырила, говорит: таперича с такими когтями я по хозяйству ничего делать не могу. А зубы у нее чешутся – страсть! Прямо как у тебя, Быстрый. Стала она об мужа зубы чесать. Чесала-чесала, он уже не знал, куда деться от нее, стал весь красный, искусанный, а не сбежишь. Что делать – жена ж. Он от нее стулом заслонился – она стул прогрызла. Он стол, как щит, выставил – она, да, и стол зубищами прогрызла. Он взмолился: не грызи меня больше, женушка, пожалей! А она ему говорит: найди мне няньку, чтоб было кого грызть, тогда тебя пожалею! Куснула его на прощанье и пошла со двора.

М-да... Стал муж няньку искать. Думает, скажу, что жена у меня гримза загрызучая, так никто не пойдет к нам. Муж-то умный был, его чудесатинка не кусала. Нет, буду всем говорить, что жена у меня искусница, да не простая, а прям кандидат искусствоведческих наук...

Юля не стала дослушивать. Соскребла себя с веранды и пошла на работу.

Глава 3

Богдан Соловей, бросив небольшой чемодан в номере, снова сел в свою «богиню» (он купил ее полгода назад и до сих пор за рулем жмурился от удовольствия) и поехал по заранее намеченному адресу.

По пути он остановился у цветочного киоска. Выбрал винно-красные розы и спросил, могут ли набрать в букет семьдесят семь? Что вы, откуда столько! Но Соловей не отступился от своей цифры. К бордовым розам добавились карминовые, цвета пионерского галстука, цвета девичьего румянца,

апельсиновые, яично-желтые, снежные – все рослые, как пальмы, на крепких деревянных ногах. Откуда такие? Из Колумбии привозят. А зачем вам именно семьдесят семь? – поинтересовалась продавщица.

– Я люблю большие и красивые числа, – ответил посетитель.

Букет размером с бочку, протестующе шурша целлофаном, еле влез на пассажирское сиденье «дээс», и с ним Богдан подъехал к основательному дому мятного цвета, с белыми, будто вздутыми балконами. Четырехэтажный дом стоял напротив ограды Центрального парка, а во дворе у него, помимо темных и высоченных лип, разместилась линейка гаражей. В этот дом (и его близнецы по соседству) в 60-е годы в Домске заселили начальство второй крупности и прочую «элиту». Перед подъездом Соловей приостановился, вздохнул, собираясь с силами, и ринулся вперед с розовым кустом наперевес. На третьем этаже позвонил в дверь – не получил ответа. Более продолжительный трезвон не помог. В сумраке лестничной площадки классический профиль Богдана посмурнел.

– Где, интересно, шляется эта достойная женщина? – спросил он себя.

Он полез было за мобильным телефоном, но затем решил позвонить в соседнюю дверь. Та распахнулась сразу же, будто за ней только того и ждали.

– Богдан! – ахнула седовласая старуха.

– Именно я, – склонил голову господин Соловей. – Не подскажете ли, Наталья... мм... – отчество он забыл, но тут же выкрутился, – да что я! Тетя Наташа! Дорогая моя, скажите, а где?.. – И он жестом указал в сторону первой двери.

– Розы-то, розы – ну, Богдан! Расстарался! – квохтала старуха. – Как же повезло с тобой Майе! Я ей всегда так и говорю: повезло! Ох, ро-озы! Мне-то розы в последний раз дарили, когда на пенсию провожали. Теперь уж все. Дай бог, на похороны кто-нибудь принесет, только я не увижу...

Богдан задал свой вопрос еще раз, но соседка то совала обвисший нос в чужой букет, то снабжала Соловья подробностями того, какие цветы выращивает на балконе... Он понял, что любезностями не обойдешься. Он выдернул из охапки три яркие розы – метнул взгляд на поджавшую губы старуху, – добавил еще

четыре и с поклоном вручил тете Наташе. Поток «ахов» взметнулся снова, побулькал немного и стих, и соседка наконец сообщила, что Майя, скорее всего, будет часа через полтора – в бассейн пошла, видела я ее, с балкона помахала, тебе бы на полчаса раньше, так застал бы, а что ж ты? без звонка? сюрпризом... понятно, а ты заходи ко мне, я как раз оладьев напекла... вчера... ох, сковородка никудышняя, пригорают... заходи, расскажешь про себя, подождешь, а?

Но Богдан ждать не захотел. Он уточнил, в тот ли бассейн, который большой, рядом со стадионом, отправилась Майя... в тот. Ага! Дорогие ботинки выбили быструю дробь на лестнице, хлопнула дверь подъезда, букетище снова втиснулся в «дээс» – и Соловей стартанул со двора.

«Стадионом» в Домске называли большой парк, в советское время устроенный со спортивными целями. Он включал в себя футбольный стадион (куда Богдан в конце 80-х ходил на концерты Цоя и «Наутилуса», а к футболу он был равнодушен), большой велотрек, несколько теннисных кортов, заливавшийся зимой открытый каток, полосу препятствий для норм ГТО и прочих мучений, а еще детские площадки, а еще всякие лужки, рощицы и петлявшие по ним дорожки для спортивной и неспортивной ходьбы. На окраине этого парка располагался рыжеватый куб самого большого в Домске бассейна – по олимпийскому стандарту, с пятидесятиметровыми дорожками и тремя вышками для прыжков. У самого бассейна припарковаться не удалось, парковка была забита. Соловей нашел для своей «богини» место на соседней улице, в два рывка вытащил из салона застревавший букетище и поспешил к цели. Длинные ноги в щегольских итальянских ботинках шагали быстро, разноцветные розы подскакивали в такт, прохожие провожали взглядами импозантного владельца букета, слишком лощеного для улиц провинциального Домска.

В вестибюле бассейна обнаружилась заковыка. Проход был перегорожен турникетом, рядом с ним помещалась стеклянная будка, вся оклеенная объявлениями про то, кто, в какие часы и на каких условиях допускается в эту купель здоровья. «Разовое посещение – 300 р.» – попала на глаза бумажка, и Богдан решил, что купить билет дешевле, чем уламывать билетершу пропустить его даром.

Он выложил триста рэ и шагнул вперед, но огонек на турникете по-прежнему горел красный.

– Вы справку предъявите, – скучая, сказала полная билетерша, махнув фиолетовыми ресницами.

– Девушка! Неужели по мне не видно, что я не верблюд? – возмутился Богдан.

– Я не приглядывалась, – тонко усмехнулась сорокалетняя девушка. – Пропускаем только по справкам: не верблюд, без чесотки, без чахотки – все как положено.

– Могу поиграть мышцей, – Богдан расстегнул первую пуговицу рубашки и взялся за вторую, – в доказательство, так сказать, здоровья.

– Буду только рада! Хотя справку это не заменит.

Богдан задумался и перехватил поудобней букетище, который прежде держал головками роз вниз. У билетерши, увидевшей это ало-розовое великолепие, расширились глаза – что отметил Соловей.

Он облокотился о будку и томно склонил голову к окошечку.

– На самом-то деле, – интимно понизив голос, сказал Богдан, – я не плавать иду. Я иду, чтобы сделать сюрприз любимой женщине. Она там сейчас брассом рассекает, единственная моя. И тут я...

– Что бы вам не подождать ее в холле? – таким же интимным шепотом ответила билетерша.

– Не могу! Я ждать не приучен!

Привратница, собрав рот в куриную гузку, сопела и думала. Господин Соловей решил ее подтолкнуть:

– А хотите, я у вас абонемент прикуплю – на десять занятий? Без чека...

Неверный ход. Круглое лицо билетерши тут же стало сходно с кирпичом.

– Идите вы... за справкой!

– Всё, всё! Непременно пойду! Завтра же! – замахал свободной рукой Соловей. – Извините!

Он выдернул из охапки толстую карминовую розу и быстро просунул в окошко билетерше.

– Извиняете?

Билетерша качнула головой.

Соловей сунул в окошко еще две розы. Билетерша нерешительно ухмыльнулась.

– Девушка, милая, вы же понимаете, как важен красивый жест!..

Билетерша пожала плечами. Богдан скормил ее окошку еще пару роз.

– Есть, допустим, я – и есть она... К ней просто так не подъедешь. А тем более если я в чем-то виноват... ну, вы знаете, мужчина перед женщиной всегда в чем-нибудь да виноват! Так?

Билетерша нахмурила подщипанные брови. Соловей метнул в окошко три розы.

– Я хочу к ней подойти эффектно. Поможете?

Билетерша, потупившись, пересчитывала подношения.

– Восемь... Надо ведь нечетное число...

Еще одна увесистая роза приплыла к ней под нос.

– Знаете, мне однажды... я еще замужем не была... подарили одиннадцать ирисов. А потом – ну, муж три розочки. Мама гладиолусы с дачи притащит. Подруга тюльпаны подарит на день рождения. В общем, больше одиннадцати – никогда! – Толстушка подняла на Богдана густо подведенные печальные глаза.

– Похоже, дамам в этом городе отчаянно не хватает роз, – хмыкнул Соловей. – Тринадцать пропустим... Как вам число пятнадцать?

Билетерша поджала губу.

– Семнадцать? Нет?! Да вы меня режете без ножа.

– А кто тут любит эффектные жесты?

– Вас понял.

Богдан отсчитал еще пук роз и, трагически вздохнув, вдвинул его в окошко.

– Сойдемся на двадцати семи.

На двадцати семи они действительно сошлись. Билетерша не только открыла турникет, но и вышла из своей стеклянной башни, чтобы показать Богдану дорогу.

«Забавно, в сущности, – думал Богдан, идя по прохладному голубому коридору, – ни в жизнь не могло бы такое случиться в какой-нибудь Италии или Германии. В Германии меня бы не пустили, раз по правилам не положено. А в Италии пустили бы и так, особенно если навесить на уши романтики... Но точно тетка на вахте не стала бы со мной так трепаться – разница статусов как-никак! Кто она – и кто я... В Москве разницу уже научились чувствовать, а здесь, в Домске, – пережитки советского равноправия... Хотя тетка – молодец! Едва полбукета не сорвала с меня... Так держать!»

Господин Соловей поднялся по двум лестницам, свернул три раза (кто другой заплутал бы, но он всегда отлично находил дорогу) и нырнул в неприметную дверь. Он оказался сбоку от длинной, почти пустой трибуны, на которой маялись несколько женщин с одинаковым выражением давней скуки на лице. То были мамочки, притащившие на занятие своих деток.

Перед трибуной во все вольготные пятьдесят метров вытянулась бирюзовая ванна бассейна. В воде было многолюдно. Восемь дорожек заполняли плюхи и всплески, в одном углу гомонили младшие школьники, в другом под

дискотечную музыку споро махали ногами девушки, желавшие похудеть, а тощая тренерша, размахивая ногами на суше, подбадривала их ефрейторскими выкриками. Розовые пятки взбивали бурунчики, острые локти разрезали воду, разноцветные резиновые головы выныривали на поверхность, тесня друг друга, как овощи в булькающей кастрюле супа.

Богдан цепко оглядел все это плещущее богатство и не более чем через десять секунд выхватил в мельтешении затылков среди бирюзовой воды знакомую царственную посадку головы и высокий узел каштановых волос. Майя плыла по первой дорожке.

Он решительно направился за ней. Даже пришлось ускорить шаг, как в танце. Почти нагнав ее, Богдан поскользнулся, но удачно превратил падение в коленопреклонение. Букетище перевесил и мазнул воду прямо перед носом дамы, и Богдан, спасая положение, крикнул:

– Розы! Для прекраснейшей женщины на свете!

Тут одновременно случились три вещи: обладательница царственной головы ахнула нежным контральто и повернулась, Богдан понял, что ошибся, а с третьей дорожки раздался голос:

– Богдан, у тебя совесть есть?!

Соловей выпустил из рук букет. Вот она была – мама. На расстоянии десяти метров, в неприметной темно-зеленой шапочке, огорчительно подчеркивавшей, что мама постарела... «Как же так?» – растерялся Богдан. Мама казалась какой-то маленькой, пергаментно-бледной, съезжившейся – совсем не такой, как в его памяти.

Пловчиха с контральто, вполне приятная дама лет шестидесяти, что-то спрашивала у него.

– ...конечно, перепутали, – донеслось до Богдана, – я вам помогу собрать... ай! колется!

Богдан взглянул на расплывавшиеся по воде цветочные палки, которые пыталась согнать в центр чужая дама. С соседних дорожек за розами следили, как пираньи, другие пловчихи. Богдан вздохнул:

– Я перепутал, но это все равно вам.

Он поднялся с колен и, не оборачиваясь на контрольные благодарности, пошел к финишу третьей дорожки, где его ждала Майя.

– Ты сто лет не являлся, наконец приезжаешь, – возмущенно сказала мама, – и что я вижу?! Ты даришь цветы другим женщинам!

Богдан поднес к губам ее мокрую руку и поцеловал.

– Мамуля! Ты же простишь мне эту маленькую дурную привычку?

Через полчаса Майя вышла из здания бассейна. Даня, подъехавший к самым дверям в нарушение всех правил, ждал у машины. Теперь Майя выглядела гораздо ближе к той женщине, которую она хотела предъявлять сыну и миру: энергичной, элегантной и полной достоинства. Она распрямила спину и шла уверенно, вокруг стройных ног развевалась длинная изумрудная юбка, сиреневая блуза была перехвачена в талии алым поясом (талия, как у Гурченко! да-да!), а сиреневая шляпка заявляла населению: это дама, а не бабуля! Разумеется, Майя еще поработала над лицом: тут дорисовать, тут затушевать – и, взглянув на себя в зеркало перед выходом, уверилась, что стала выглядеть на десяток лет бодрей и моложе.

– Эта женщина, кому ты мои розы отдал, я ее видела – до-воль-на-я! – сказала Майя, шествуя к сыну. – Ты правильно сделал. Она будет вспоминать это годами, как главный сюрприз в своей блеклой жизни.

Богдан хмыкнул и открыл перед мамой дверь «дээс».

– У тебя опять новая машина? А где «БМВ»?

– Отдал в добрые руки за хорошие деньги. А это, мама, это же не машина – богиня!

– Ну, если машина, которая практически моя ровесница, еще на ходу – она, несомненно, богиня! Ладно... – Майя глубоко вздохнула. – Поехали на кладбище.

– В каком смысле? – удивился Богдан.

Мама развернулась к нему и вперила в него строгий взгляд черных глаз.

– А как ты думаешь? Ты не был в родном городе десять лет! Десять лет ты не навещал могилу отца!

– Это правда, – закивал Богдан. – Десять лет. Следовательно, еще один день погоды не сделает.

«Дээс» плавно тронулась с места.

– Я не знаю, чего от тебя ждать. Ты даже не позвонил! Почему не предупредил, что приедешь?

– Ма-ам, – Даня, невзирая на седину в волосах, занял точь-в-точь как шестнадцатилетний, – ну, не предупредил... Все любят приятные сюрпризы, а я – тот самый приятный сюрприз! Настроение возникло. Сижу вчера – хоп! Настроение. Утром вскочил в машину, педаль в пол – и приехал.

– А завтра у тебя другое настроение возникнет. Педаль в пол – и прощай? В общем, на кладбище, Богдан!

– Мам, я никуда не уеду.

– В каком смысле? – тут уже встревожилась Майя.

– Завтра не уеду, – поправился сын. – Побуду дня три, навещу всех... Тебе надоем.

– Хм! Для этого придется задержаться на месяц.

– Как? Надоем всего за месяц? – возмутился Богдан.

Майя улыбнулась и вместо ответа потрепала его за ухо.

Светло-синий «Ситроен» небыстро скользил вдоль улицы, шины шуршали об асфальт, мотор рокотал ровно. Майя отвернула голову к стеклу: повлажнили глаза почему-то, а она не хотела, чтобы сын это заметил. Это и другое... не все ему надо было знать. Когда она увидела Богдана в бассейне, сперва подумала: обозналась. А затем защемило сердце от радости.

Крупные руки ее взрослого сына расслабленно лежали на черном руле с одной спицей. Машины он с детства обожал. Даже в советское время, со своей зарплатой мэнэеса, умудрился раздобыть себе автомобиль: купил задешево старые «Жигули», а потом еще столько же вложил в ремонт. Где он тогда взял деньги? Фарцевал, что ли? Так и не признался.

Майя позавидовала машинам. Взять хоть эту игрушечку – Майя на днях видела такую или похожую во французском фильме 60-х годов. А едет плавно, как новая. Жаль, что саму Майю нельзя разъять и перебрать по косточке, вытряхнуть все ветхое, больное, лишнее, заменить с десятков деталей и собрать заново.

Жаль...

За стеклом мелькали липы, которыми была обсажена широкая Сахарная улица; открылся и улетел назад Никольский проезд.

– Стоп, ты проехал поворот на кладбище!

– Ничего страшного.

– Богда-ан! – грозно сказала Майя.

– А мы за цветами заедем.

Через пять минут он остановился у цветочного киоска, где под навесом скучала, надув губы, продавщица. Майя наказала сыну купить каллы (ты не помнишь, но твой отец их любил), он покивал, как болванчик, и покинул машину. Увидев Богдана, продавщица почему-то оживилась.

– Как, понравились вашей девушке цветы? – услышала Майя.

– Девушка была в восторге. – Майя при этих словах сына усмехнулась. – Я решил закрепить успех, подарить еще букет.

Богдан стал придирчиво совать нос в охапки цветов, и Майя дальше перестала слушать. Она наклонилась к зеркальцу заднего вида, крепившемуся к приборной панели, и еще раз полюбовалась собой в лихо заломленной шляпке. Да, не зря она купила эту сиреневую фитюльку в Ницце!

В машину сын сел с громадным букетом, в котором мирно уживались розы и герберы, ранункулы и ромашки и прочий нежный товар. Букетище улегся на колени Майе.

– Дубль два: для прекраснейшей женщины на свете! – сказал Богдан.

Майя рассмеялась и опустила голову к цветам.

– Это у тебя фамильное, – сказала она, – твой отец тоже любил дарить большие букеты.

– Вовсе нет. Но тебе семьдесят семь недавно исполнилось, не могу же я дарить три гвоздики?

Майя наклонила голову: тоже верно.

– А где каллы?

– Не завезли, – развел руками Богдан.

Он завел «дэс» и тронулся.

– По такому случаю предлагаю поехать по адресу: улица Таврическая, двадцать. Тепло домашнего очага, дома и стены помогают, дым отечества нам сладок и приятен, особенно если это дымок над шашлыком... Но домашний борщ – это тоже очень недурно! – вещал Богдан. – Я на многое не рассчитываю. Плов, фаршированный гусь, кулебяка на пять углов – это все потом. Я надеюсь, – скосил он глаза на Майю. – Но борщ-то будет? Ты знаешь, как я скучал все эти годы по твоему борщу! Мам, ты не поверишь, но ни одна москвичка не умеет готовить борщ. Или мне просто не везло?

– Судя по последней москвичке, которую я видела в твоей квартире...

– Это пять лет назад, когда ты впихнула ее вещи в чемодан и выкинула его с балкона? С двенадцатого, на минуточку, этажа?

– Как же звали эту милую девочку? – задумчиво протянула мама. – Оля? Лида?

– Меня не спрашивай, – открестился Богдан.

– Лида. На память я не жалуюсь. Она делала педикюр, водрузив ножки на обеденный стол, и попутно просвещала меня насчет сионистского заговора. И что в Холокосте погибло не шесть миллионов, а гораздо меньше, сущие пустяки... Как с борщом у нее было, не знаю.

– Да, с Лидой у меня промашка вышла, – пожал плечами Богдан.

– А потом, еще прежде я к тебе приезжала. В апреле, на свой день рождения. – Майя перебирала цветы у себя на коленях, вспоминая. – И паршивый же это был день рождения! Ты в тот день уехал на работу и почему-то вернулся с нее в час ночи. А я сидела у тебя дома за накрытым столом, при свечах. Рядом торчала твоя подруга, уж извини, имени не помню, рыженькая... И она весь вечер рыдала мне про то, как хочет за тебя замуж, готова на детей, внуков... Я бы ей посочувствовала, но я ее видела впервые в жизни, а кроме того, она без спроса сморкалась в мой шелковый палантин.

– За это казнить мало! – возмутился Богдан.

– А еще раньше, помнишь, на Новый год я у тебя была? Встречали втроем: я, ты и какая-то девица с цирковым декольте. Молчала всю ночь, как рыба, и улыбалась. Я даже думала, что она немая, пока девочка не попросила передать ей салат.

– Вот с ней у меня почти получилось, – вздохнул Богдан.

– А еще с кем-то с тех пор получилось?

– Во-первых, пока никто не сумел повторить твой борщ! А во-вторых, этот проклятый вопрос: любят ли они меня или мои миллионы?..

– Понятно. Еще есть в-третьих, в-четвертых и так далее, – покивала Майя.

– Между прочим, психологи доказали, что любовь живет три года. Кто я такой, чтобы с ними спорить? – скромно сказал Богдан.

– Я тоже не собираюсь спорить с дураками. Кто я такая? Всего лишь женщина, которая любила твоего отца всю жизнь.

«Дээс» подъехала к мятно-зеленому дому на Таврической улице.

– Значит, на кладбище ты ехать не хочешь, – вздохнула Майя.

– Давай завтра!

Богдан обежал машину и открыл перед матерью дверь. Она медленно вышла из автомобиля, распрямилась, поморщившись. Поправила сумку на плече. Взяла подаренный букет обеими руками, как тяжелую кадку.

– Я рада, что ты наконец приехал, – сказала она. – Завтра жду тебя в двенадцать. И хорошо бы ты нашел каллы.

Соловей упер руки в бока.

– То есть ты меня даже не пригласишь зайти?!

– Я даже не стану фаршировать гуся, – ответила Майя.

Стоя у подъезда, мать и сын мерились взглядами.

– Мама! Ведь это и мой дом тоже! Я здесь вырос, в конце концов. Я на кухне кран починил! В девяносто первом году. Я ходил под стол пешком в этой квартире, я здесь сына растил!

– Прекрасно. Удивительно, что ты так не торопился навещать этот «свой дом». Десять лет. Десять лет ты не казал из Москвы носа.

– Я не казал носа?! – подскочил Богдан. – Да я до Перу доехал в прошлом году.

– А на мой юбилей, когда мне было семьдесят пять...

– У меня был контракт! Я тебе объяснял, у меня контракт, который нельзя упустить. Надо было окучивать клиентов. Мне деньги сами в рот не падают!

– Прекрасно. То у него контракт, то Перу, то яхтенная регата. Этот человек нашел время для Перу, но за десять лет не сумел заехать на могилу отца.

– Сколько ни говори «могила», во рту слаще не станет!

– И этого человека я когда-то просила не ругаться... Надо было не просить, а мыть ему рот с мылом.

– Мама, прекрати говорить обо мне в третьем лице. Не провоцируй у меня шизофрению!

– У него шизофрению... – покивала себе Майя.

– Ох, ох, бедная покинутая мать! В конце концов, где-нибудь на пути в Париж или Питер ты могла бы заехать ко мне в Москву! Вот хоть этой зимой! Кажется, я оплатил тебе отель на Капри? Могла бы после Капри навестить своего сына!

– Спасибо, но я устала бросать чемоданы с двенадцатого этажа, – с достоинством ответила Майя и перехватила поудобней цветочный пук.

– Знаешь что? – наклонился к ней Соловей. – До свиданья!

Он резко развернулся на пятках и пошел к машине. Но затем остановился, вспомнив кое-что, вытащил кошелек и, достав оттуда тонкую пачку красненьких пятитысячных купюр, вернулся к матери. Не глядя на нее, он открыл ее сумку и сунул туда деньги, деловито сказав: «Это июньские». Чмокнул мать в щеку и ушел окончательно.

Глава 4

«Абстиненция тебе на язык!» – мысленно пожелал Степа собаке, гулко лаявшей за забором. Он катил по Гороховой коляску с Ясей, и Яся спал. Степа укачивал-укатывал протестующе вопившего сына минут двадцать и совсем не хотел, чтобы тот сейчас же проснулся.

Сказку про жену, которой под хвост попала чудесатинка, и ее мужа, который по ночам, пока та спала, стал ей мозги по чайной ложке обратно в голову запихивать, Степа не успел досказать. Быстрый стал тереть глазки, зевать, пришлось сказку свернуть и перейти к более насущным задачам.

В агентство, на работу, Степа уже позвонил: извинялся, туманно говорил о форс-мажоре, сообщил, что будет отсутствовать весь день. На сегодня у него были назначены два просмотра квартир, в одном случае он был агентом покупателей, семейной пары с ипотечными намерениями, в другом – агентом продавцов. Всем заинтересованным лицам Степа позвонил, пришлось опять извиняться и талдычить «никак не могу».

Было ясно, что Юля еще не остыла. Трубку она не брала. Кто знает, может, и правда отправилась в свой музей? Значит, как минимум до вечера надо было рассчитывать только на себя.

Как только Яся перестал покрикивать в коляске и надежно уснул, Степа решил отправиться в гости. Было к кому пойти в разгар рабочего дня, к сожалению.

Его бывший одноклассник, старый друг, а ныне еще и партнер, Боря, сейчас наверняка был дома, потому что месяц назад его и еще шестерых сотрудников рекламного агентства «Веселый воблер» отпустили в бессрочный отпуск. Задержанную зарплату за март и апрель обещали выплатить как только, так сразу.

Боря Гребешков жил в десяти минутах ходьбы от Гороховой. По пыльной дороге, которую перебегали пятнистые беспородные кошки, мимо буйно расцветшей сирени, мимо облупленных хрущевских пятиэтажек, которые, согласно обещаниям предпредыдущего мэра, должны были расселить и сломать еще десять лет назад, мимо пластикового павильончика «Бельканто», где продавали женское белье, мимо мусорных баков, к которым кто-то вынес истертый старый диван... И вот Степа вкатил коляску со спящим Ясей во двор девятиэтажного панельного дома.

Девятиэтажка была похожа на старый учебник, выцветший, вытертый и посеревший, зато двор был зеленый, затененный березами, тополями и каштанами. Степа оставил Ясю сопеть под большим каштаном, а сам кинул камушком в окно на первом этаже.

– Ну, привет, что ли, – сказал Борька, открыв окно.

Его лицо скульптурной лепки, напоминавшее о «Давиде» Микеланджело, в данный момент недовольно хмурилось. Щуплые, совсем не микеланджеловские плечи выглядывали из-за мясистых фиалок, стоявших на подоконнике.

– Ты, это... выйдешь?

– Я завтракаю, – буркнул Боря и скрылся в голубой тени квартиры.

– В двенадцать дня?

Окно начиналось невысоко, на уровне шеи, и Степа всунул голову на Борькину кухню, как раз между горшком с фиалкой и горшком с алоэ.

– Ой, здравствуй, Степочка! – заулыбалась Инна Петровна, мать Бори.

Боря с мамой сидели за столом, стоявшим возле окна. В глубине кухни виднелся широкий силуэт Бориного брата, Лешечки, тот с быстротой ниндзя рубил что-то ножом. Леша шагнул к столу, сгрузил брату в тарелку с кашей мелкую крошку зеленого лука и моркови, подлил матери чая. Его сосредоточенным крупным глазам не хватало живости, словно их обладатель прятал большую часть себя где-то внутри, в тайной комнате, и там проводил добрую половину жизни. Степа окликнул его: «Привет, Лешка!» – и Леша поднял голову, протянул улыбчиво: «Приве-ет!» Борин брат Степе всегда радовался. Он был самый добродушный человек из всех, кого Степа встречал. А еще у него была болезнь Дауна.

– Я говорила тебе, не сиди за компьютером ночью. Теперь зеваешь, как бледная немочь. Лег бы нормально, встал в семь, ну, восемь, зарядка, холодный душ – и нечего смеяться! – говорила Гребешкова-мама Борису. – Совсем другое настроение было бы.

– Угу. Когда мне зарплату выплатят за март, тогда у меня настроение будет. А если за март и за апрель, пойду на турник крутить сальто.

Это обещание было малосбыточным. И с зарплатой вероятность была невелика, и сальто Борис никогда не крутил. А в последние годы на любые подначивания он отвечал, что для работы дизайнера его мышц вполне хватает.

– Скорей бы вы ваше приложение сделали, – сказала Инна Петровна. – Если научите меня, я его тоже себе на телефон... как это?

– Я тебе установлю, – буркнул Боря.

– Очень симпатичное. Сразу видно, Боречка с такой любовью все монетки, все травинки прорисовывал!

– О-о! Он вам уже это, уже показал? – Сам Степа еще не видел финальный дизайн, Борис обещал предъявить ему сегодня.

– Просто прелесть, а не игрушечка! – сказала Инна Петровна. – Я, конечно, полный чайник, но ведь будут вам платить за нее? Да ведь?

– Обязательно будут! – заверил Степа. – Сначала там, понимаете, бесплатная версия, но нам за рекламу что-нибудь капнет. Да, сначала бесплатная – так все делают. А потом апгрейды, в смысле добавки, угу, улучшения разные. Уже за деньги. Деньги небольшие, рублей пятьдесят, но если, условно говоря, сто человек заплатят...

– Вот мне так же Борик объяснял. Сто тысяч человек заплатят – и вы богачи! И мы богачи, правда, Лешечка?

Лешка с матерью засмеялись. Большое лунное лицо Леши заколыхалось от смеха.

– А почему нет? Надо верить в лучшее! – встряхнула кудряшками Инна Петровна.

– Вот именно, – с ненавистью сунул в рот кашу Борька. – На хрена мы вообще это хреначим, ночей не спим, на хрена я в агентстве впахивал забесплатно, а потом еще приходил домой и компостировал себе мозг этим приложением, забесплатно опять же? Как там говорится? По вере воздастся вам? Нам железно воздастся, сто тыщ миллионов, не меньше.

– Я тебя сколько раз просила при брате не ругаться, – тихо сказала Инна Петровна.

Борис еще яростней накинулся на кашу. Он был похож на такого Давида, у которого уложить Голиафа не вышло, зато он может всем подробно объяснить, почему это с самого начала была дохлая затея.

– Не слушайте его! У нас все идет по плану. Да. Не в смысле... мм, а в смысле – прекрасное приложение будет. Как пирожки. Будет разлетаться, как пирожки. Может, Абрамовичами мы не станем...

– Чистая правда, – вставил Боря.

– Да, Абрамовичами не станем, но заработаем на этой игре хорошо. Не сомневайтесь, Инна Петровна.

– Очень бы хотелось, Степочка! Ну, мы будем собираться, – Гребешкова-мама потянула Лешу из-за стола, – мы хотели в гости к Марье Сергевне зайти. Она в последнее время хворает, а мы ее...

– Вылечим? – с надеждой спросил Лешечка.

– Ой, очень хотелось бы! Друзья лечат лучше таблеток, у моей мамы присказка такая была. А я Марье Сергевне еще просфорку принесу, мы с Лешей утром в храме на службе были, взяли просфорку... – Инна Петровна, продолжая журчать что-то про храм, пошла в глубину кухни, как вдруг вздрогнула и обернулась: – Степа! А ты почему здесь? Степ, тебя что, тоже?..

– О-о, только не говори, что тебя тоже уволили! – закричал Боря.

– Да не скажу! Все в порядке. Это я отгул взял. Юле нужно было... – замялся Степа, – нужно ей, по делам... а я, ну, я остался за Яськой присматривать.

Гребешковы облегченно выдохнули.

Инна Петровна с Лешей ушли, Степа же, которому надоело быть головой на подоконнике, предпринял новую попытку выманить друга наружу.

– А вот выйду, – хмыкнул Боря. – Покалякаем.

Долгожданный дизайн мобильного приложения, игры, которую Степа придумал сам и делал вместе с Борей, так и не был ему предъявлен. «Подожди, – сказал Гребешков. – Покажу кой-чего». И открыл страницу портала «IT новости».

Фонд Like Ventures, большой папочка с большими карманами, к которому мечтали прильнуть все стартаперы, проводил конкурс для разработчиков мобильных игр.

– Йухты-пухты! Трем финалистам по миллиону на рекламу! – воскликнул Степа.

– Да. Получить миллиончик рублей на раскрутку – это бы нам было кстати. Это бы нашу игру нехило продвинуло, – с горечью сказал Боря. – Кто знает, она могла бы влезть в топ... а не валяться никому не нужным хламом, как все, что

мы прежде делали.

– Ты это, ты зачем сразу киснешь? У нас игра – супер-дупер. Супер-дупер в кубе, угу. Мы вполне можем выиграть.

– Ага, – скривился Борис. – Ты на дедлайн посмотри.

Степа посмотрел. Сроки у конкурса были такие, что седьмого июня, в воскресенье, аккурат в Степин день рождения, прием заявок заканчивался.

– Ну еканные пиксели... – протянул Степа. – Ну что же это... Ведь у нас еще конь не валя... Блин! Мне еще месяца на два работы, угу. Там с юзерфейсом возни, возни до фига, и в серверной логике дырищи, а еще интеграцию данных делать... а то и три месяца. Еканные пиксели! Ну кто так, кто так конкурсы объявляет?! Две недели срока? Они вообще, они офигели?

– Не они офигели, а мы профукали.

Оказывается, конкурс начался еще в начале весны, просто Степа с Борей его проглядели.

– М-да... получается, это. Надо было каждый день новости проверять, угу, – приуныл Степа.

– Получается! – передразнил Боря. Он захлопнул планшет с новостями и вскочил со скамейки. – Я, знаешь, как увидел – а-а! Задрал штаны, бежим! А потом дедлайн – бум! И у меня случился реассесмент. Полная иллюминейшн ин май хэд. Я понял: вот он был, золотой шанс на то, что наша игра заиграет. И мы его фук-фук, профукали. Потому что такая у нас логика процесса. Мечтаем о миллионах, выходит звяк на три копейки.

– Ну да, нам не везло... – неубедительно сказал Степа.

Ему было трудно возражать Боре. Они сделали вместе пять приложений. Первое – это был откровенный блин комом. А из последующих, несмотря на все радужные надежды, ни одно не выстрелило.

– Я провожу вечера и ночи над монитором, отрисовываю на хрен каждую трещинку – зачем? – спросил Боря. – Все труды – в топку! Хватит, надо заканчивать эту бодягу с приложениями.

– Ты чего? Не доделать? Не доделать нашу игру? – ужаснулся Степа.

– А зачем? Уот, как говорится, фор? Уже ясно, что будет. Даже если мы доделаем, она будет пылиться в самой темной, в самой дальней точке задницы App Store. Никто про нее не узнает без раскрутки. Финиш.

– Нет, а если...

– Хватит с меня!

Спавший под каштаном Яся дернул ножкой.

– Тише ты, – шикнул Степа. – Разбудишь.

– А просто мне надоело! – зашипел высоким голосом Борис. – Думаешь, мы одни такие? Миллион человек в Цукерберги метят. Лемминги имени Цукерберга. Побежали, блин! Полтора миллиона приложений в App Store наколбасили. Мечтатели!

– Тогда кончай сидеть, пошли работать! – зашипел в ответ Степа. – У нас две недели есть. Вдруг мы это, вдруг мы успеем?

– Нет, мне-то дел на два дня осталось. Зато тебе – я знаю тебя! Ты четыре месяца еще будешь копать, свою серверную, блин, логику дотачивать.

– А вот возьму и сделаю, – сказал Степа. И вышло это у него так твердо, так несомненно, что он даже чуток собой загордился. – Угу. Сделаю за две недели.

– Ха-ха-ха, – язвительно произнес Гребешков.

– А я сделаю.

– Кстати, не две недели, а уже тринадцать дней.

– Я сделаю.

– Ха-ха. Даже если убьешься, успеешь, с чего ты взял, что мы выиграем? – Боря схватился за кудри. – Оцени трезво! – шептал он. – Мы стучимся в закрытую дверь. Раз, два, три, четыре, пять раз постучали – за-кры-то. Не судьба, понимаешь? Вот одному на роду написано: «Быть тебе, Павел Дуров, королем Интернета, хошь не хошь». А другому на роду написано: «Быть тебе, Боря, лузером и тарелки носить».

Степа выдохнул через зубы и помотал головой:

– Да при чем тут тарелки?

– Я в официанты подался. Завтра выхожу.

– С дуба рухнул? – изумился Степан.

– Рухнул, еще бы, – язвительно отозвался Боря. – Это вы, получающие зарплату, в эмпиреях витаете. Всякая там самореализация, заниматься любимым делом, ах, надоело мне толкать панель и хрущевки, ой, хочу быть творцом, угу. А когда зарплаты нет и работы нет, потому что вообще-то кризис в стране и фирмы лопаются, то сразу требования заземляются.

Степа не знал, что сказать. Почему-то ему было стыдно перед другом, как будто это он не платил Борису зарплату... В этом Степа был не виноват, но это же он уговорил Борьку заняться приложениями... Боря молчал и обкусывал ноготь на большом пальце. Он глотнул чая из кружки, и вдруг для Степы сложились в одну картину детали, которые маячили неделями перед его носом, но он их не замечал. Кофеман Борис пьет краснодарский чай. Как ни зайди на ужин, ест гречку. Куда-то исчез его айпэд, и теперь Боря ходит со старым китайским планшетом. И прочее...

– Слушай, я вроде... Что-то я, извини, не подумал, что ты, ну, третий месяц без денег сидишь, – смущенно сказал Степа. – А у тебя Лешка...

– А у меня Лешка и мама на пенсии.

– Ты скажи, денег надо? А? Могу одолжить четыре или пять... – Степа полез в карман за деньгами, пересчитал, – нет, извини, четыре штуки. Извини.

– Не надо! – отрезал Борис. – Мой стакан мал, но я пью из своего стакана.

Они сидели на зеленом дворе девятиэтажного дома с облупившейся краской на дверях. Из соседнего подъезда вышла старуха в грошовом цветастом платье, потащила за собой сумку-тележку. Мимо проехала раздолбанная «девятка», копия Степиной во всем, кроме цвета. Это был мир, куда не заглядывали глянцевики истории успеха. Мечта о жизни, как в Силиконовой долине, здесь, на этом дворе, казалась чуждой и хрупкой, как всполохом залетевший в гущу голубей колибри. И все-таки Степа не хотел отказываться от своей мечты. Майский ветер гладил его щеку, словно успокаивал: ну будет, будет тебе.

Перед алым кабриолетом стоял мужчина, в джинсе с головы до ног, и размышлял. Его красная шея колебалась вместе с белой, под ершик стриженной головой туда-сюда, сюда-туда, брюхо, обтянутое джинсовой рубашкой, вздыхало и опадало. Кабриолет, повторявший угловатые линии больших американских машин 50-х годов, завлекательно подмигивал круглыми фарами. Размером он был примерно с чемодан и до того хорош, что хотелось схватить в охапку и немедленно унести.

– Ну и цены вы заламываете! – сказал покупатель тетке с рыжим шиньоном, в форменном халате продавщицы.

Шиньон сначала сделала вид, будто она тут не при чем (что скажешь? семнадцать тысяч, которые просили за автомобиль, для многих в Домске равнялись месячной зарплате). Потом пожала плечами:

– С такой ценой он и стоит третий месяц, никто не берет.

– Как же? Я беру! – раздался веселый голос.

Сзади к пузатому и продавщице подошел Богдан. Он прошагал весь «Детский мир» насквозь, нигде не задерживаясь. Китайское пластиковое изобилие сливалось в глазах в блестящий ком веселенькой расцветки. Алый кабриолет с хромированными контурами единственный из всего предлагаемого выглядел настоящим, это Богдан углядел за пять метров. А как углядел – тут же решил купить.

Пузатый обернулся и посмотрел на Богдана хмуро. Его длинное лицо, похожее на морду старого сеттера, выразило замешательство и наконец узнавание.

– Толич! – воскликнул он.

– Михалыч? – сощурился Соловей.

Это был Игорь Михалыч Воеводин, с которым Соловей когда-то работал в одном КБ, они девять лет рассчитывали буровые установки, сидя за соседними столами, ходили вместе в курилку, ездили в походы на байдарках... много всего было вместе, пока Богдан не ушел из КБ и не уехал в Москву. Когда-то они входили в один круг друзей, но с тех пор Соловей давно забыл про Воевину.

– Ну ты даешь, Михалыч... ты прямо окреп! Я тебя узнал не сразу.

Михалыч не то чтобы окреп, а прибавил килограмм двадцать за те двадцать с лишним лет, что его не видел Богдан. Мешков под глазами и серебряной седины у него во времена КБ тоже не имелось.

– А ты почти не изменился. Все такой же стилига. – Белозубая улыбка осветила лицо Михалыча. – Курточку под цвет глаз подбирал? – Он не только спросил, но и пощупал шоколадного цвета замшу.

– Но-но! Курточка полторы штуки евро стоила, не засаль, – усмехнулся в ответ Соловей.

– Видел я в твиттере пару твоих фотографий. Показали. Яхта на шестьсот лошадиных сил...

– Чего там, в аренду же, – скромно сказал Богдан.

– Отели пять звезд, завтраки с шампанским, девушки в купальниках...

– Да я не зову, сами ко мне тянутся, – продолжал скромничать Соловей.

– Ну, у нас жизнь поскучнее. Нечем в твиттере похвастаться. Работаем, работаем...

– Кем работаешь?

– Так. Ищу пути к сердцам... – покрутил рукой Михалыч, – и к карманам.

«Жиголо или маркетолог? – подумал Богдан. – Ставлю на маркетолога». У Богдана были еще пара-тройка часов до намеченного вечернего визита, и он подумал: а почему бы не поболтать со старым приятелем?

– А давай того-сего где-нибудь? Посидим, а? – в эту минуту предложил Михалыч.

Соловей даже не удивился совпадению. Он был уверен, что любой из старых друзей в Домске почтет за счастье посидеть с ним. Он привык, что люди, как мотыльки, летели на свет его успеха. А уж расспросить о подробностях жизни долларового миллионера, бывшего инженера, каждый был бы рад.

– Машинка хороша, – сказал Михалыч, кивая на красный кабриолет. – Цена безбожная, но я думаю, не купить ли? Внуку в подарок.

Рыжий шиньон, с большим интересом прислушавшаяся к разговору этих двоих, вмешалась:

– Автомобиль один у нас.

– Не развращай внука, Михалыч! – сказал Богдан. – Тем более что автомобиль уже я покупаю.

Про себя он подумал, что Воеводин и не собирается делать такие траты, но ему охота показать перед старым приятелем, что может это себе позволить.

Михалыч махнул рукой, соглашаясь и уступая автомобильчик, только пробурчал что-то про гусаров. Он предложил поехать в Заречье, сказал, что знает там отличный бар.

Через минуту они вышли из магазина. Воеводин втиснул свое обтянутое джинсовой рубашкой пузо в запыленный корейский джип и поехал впереди. Богдан последовал на своей изящной «дээс» за ним. Игрушечный кабрио в багажник не влез, он занял место на заднем сиденье, где раздувались белые пакеты из супермаркета – в них были всяческие деликатесы для вечернего визита.

Они доехали до Межи, по бетонному мосту на трех опорах пролетели над живописной рекой, отражавшей безоблачное небо, берега в романтических ивах и белые, серебристыми куполами увенчанные церкви. По дороге Богдан подумал, что стоит сделать один звонок: погулять по малой родине хорошо, но о делах забывать не будем. «Алло, Петра Сергеевича можно? Это Соловей, Богдан Анатольевич... Совещание? Ясно, перезвоню». Петр Сергеевич, зараза, уже вторую неделю оказывался на совещаниях, когда ему звонил Богдан.

В старой части Заречья, напротив краснокирпичного, украшенного башенками здания бывшего сахарного завода купцов Русановых (после революции – завода «Домский кондитер»), стоял обшитый желтой вагонкой дом в два этажа, с громадной рекламой во весь торец: «ПивКрафт. Возможно, самое вкусное пиво России». (Слово «возможно» было написано самыми мелкими буквами.)

Они вошли внутрь. Зал на первом этаже выглядел удешевленной копией популярных в Москве «ирландских баров»: там все закрывали темно-коричневыми досками от пола до потолка и сдабривали винтажными плакатами «Гиннеса», здесь были виниловые обои «под дерево» на стенах, линолеум «под дерево» на полу, а в простенках между окнами – два плаката советской эпохи, следующего содержания: на одном, озаглавленном «Долбанем!», ярко-красный рабочий заносил кувалду над винной бутылкой, на другом слепой в черных очках предупреждал: «Не пей метилового спирта!»

«Бог ты мой, куда меня занесло?» – подумал про себя Соловей.

– Не отравят тут нас? – полюбопытствовал он у приятеля.

Воеводин поморщился и примирительно сказал:

– Конечно, это не Рио-де-Жанейро. Но, поверь мне, здесь лучшее пиво в городе.

Его слова подтверждало то, что, несмотря на ранний для бара час, здесь уже сидели несколько пиволюбоводиночек и группа туристов, оживленно обсуждавших мощи святого в Зачатьевском монастыре.

Михалыч подвел старого приятеля к стойке, на которой было шесть пивных кранов (на ярких ярлыках красовались названия вроде «Копченный Пастор» и «Завтрак Махараджи»), а позади бармена выстроились в холодильниках ряды и ряды пивных бутылок всех мастей, с иностранными этикетками.

– Ты что предпочитаешь? – спросил Михалыч.

Богдан, развернувшись спиной к пивному изобилию, оперся о барную стойку.

– А помнишь, Михалыч, как мы с тобой как-то в июле случайно встретились? Году в 87-м или 89-м. Была суббота, и меня жена отправила на рынок, а заодно дала бидон для кваса. Иду, бидоном помахиваю, а тут ты. Вопишь: «Толич! За «Пионером» хорошее «Жигулевское» выкинули!» Ну, мы с тобой дернули к «Пионеру». Очередюга выстроилась!.. Где-то через час доползли мы с тобой до ларька. Жара, пот льет. Продавщица наливает нам по пол-литра – янтарное, холодненькое, кружки сразу запотели.

Михалыч усмехнулся, вспоминая.

– А я еще в бидон три литра взял, – продолжал Богдан. – Отошли мы к столикам, попробовали... Моча мочой!

– Точно, – кивнул Воеводин, – ты еще весь бидон бичам отдал.

– И с тех пор, Михалыч, как-то я к пиву равнодушен. Предпочитаю хорошее красное вино. «Шато Неф дю Пап», «Амароне Вальполичелла»... понимаешь?

– Давай я тебя угощу. – Михалыч взял Богдана под локоть. – Я теперь немножко в пиве разбираюсь. Не понравится – режь меня и ешь!

– Только один бокал, – предупредил Соловей. – Мне еще за руль.

Они уселись за деревянный некрашенный стол, Михалыч пошушукался с официантом и через пару минут им принесли два бокала с медового цвета напитком и крошечные бутерброды с колбасой.

– Это лагерь, – с любовью сказал Михалыч. – Здесь варят.

– Не темноват он для лагеря? – сощурился Богдан (все же он иногда пивал пиво и азы понимал).

Михалыч загадочно пожал плечами. Официант стоял рядом со столиком, вытянувшись, и с ожиданием смотрел на нового гостя. Богдан сделал глоток. Лагерь оказался копченым. В кисловатый вкус пива вплеталась четкая дымная нота, будто над бокалом долго водили копченым свиным ребрышком.

– Одобряю, – удивленно сказал Соловей.

Михалыч расплылся в улыбке и переглянулся с официантом.

– Ну, как ты? Как сам? – спросил Богдан, когда официант отошел.

– А-а! – махнул рукой Михалыч. – Потихоньку. А ты помнишь Жеку Захарова, с которым мы по Оке плавали? Он теперь большой человек стал. Евгений Петрович, только так. В 90-е пошел в депутаты, а теперь – замглавы администрации...

Богдан стал расспрашивать про других из той компании, с кем он когда-то плавал по Оке и по карельским озерам, пил водку и «Саперави», играл в «дурака», в преферанс, в шахматы и на бильярде, разговаривал о ловле на мормышку и о Солженицыне... А как Санька, математик? Он иконы писать стал, уже лет пятнадцать пишет, теперь собирается в монастырь уйти... в какой? В наш, Зачатьевский, который из музея снова монастырем сделали. Артем, который за твоей женой ухлестывал... когда? Ну, понятно, после вашего развода. А что, Толич, ты в Москву уехал, а жена у тебя была женщина интересная... Да неважно, все равно у них ничего не вышло. Так вот, Артем познакомился с финкой и женился на ней, теперь в Финляндии обретается. Юра

Горовец? Он погиб. Да. Вечный покой. Погиб по-глупому: поехал на дачу один. Я с тех пор никогда один не пью. Ну, что: выпил, уснул с сигаретой. Пожар-то потом соседи заметили, а он уже от дыма задохнулся. Андрей Трепавлов? Охо-хо. Инфаркт. Сорок пять лет ему было. М-да... Денис Королев? Он в 90-е годы, когда в нашем КБ совсем зарплату платить перестали, пошел балконы стеклить. Семью как-то надо кормить? Он всегда был рукастый. Так и стеклит с тех пор. Леша Гусев? А он теперь пенсионер. В шесть утра садится на берег Межи с удочкой и сидит до полудня. Потом обед и послеобеденный сон, и говорит: ничего ему больше не нужно...

Богдан слушал про этих людей, когда-то бывших ему друзьями, а потом отодвинувшихся в дальнюю даль; он слушал с сожалением, думая о том, как все прежние друзья постарели – кроме мертвецов, конечно, кроме мертвецов; он узнавал новости без удивления, через секунду говоря про себя: что-то в этом духе я и предполагал... к этому шло. Хотя жизни прежних друзей сложились по-разному, ему казалось, что, по сути, между ними много сходства. Только он один, Богдан, наособицу. Только он один из ровесников не постарел. Он держался этой мысли, отгоняя от себя ностальгию по невозвратно ушедшему времени и дружбе, оставшейся за одним из пройденных давно поворотов.

Копченый лагер был выпит, и Михалыч уговорил Богдана попробовать еще один сорт («ты такого не пил... хмелевая бомба!.. позволь, угощу тебя!»). Богдан вяло посопротивлялся («мне за руль»), но затем решил, что в крайнем случае может поехать на такси – и согласился. Официант мигом принес две запотевшие пинты рыже-коричневого индийского эля, называвшегося бледным вопреки цвету и вкусу – сладковато-горькому, плотному, с оттенком грейпфрута. К элю подали запеченные утиные ноги с белым рисом. Богдан куснул ногу и едва не увяз зубами в жестком мясе. На языке вертелась остро?та про водоплавающую ровесницу века, но Богдан уже понял, что Михалычу неприятны шутки по поводу выбранного им заведения, и прикусил язык. Вместо этого Соловей спросил:

– А ты-то как? Чем занимаешься?

– Я... бегаю, тыры-пыры. На хлеб с маслом зарабатываю... Лучше ты расскажи про себя! Ты мне скажи, Толич, научи, как в Москве большие деньги делаются?

Это «научи» Соловей помнил, еще тридцать лет назад водилось за Михалычем такое – косить под простачка.

– Эх, дорогой! – сказал Богдан. – Я простой человек труда, о больших деньгах читающий в газетах. Там иногда пошаговые руководства печатают, только маскируют их под расследования Генпрокуратуры.

– Это и мы почитываем, – покачал серебряной головой Михалыч. – Ладно, к лешему большие деньги, нам свои маленькие интересней. Расскажи хоть, как ты тогда в Москве устроился? А то уехал – как пропал.

Богдан отхлебнул эля. Михалыч налег тушей на стол, подпер щеку кулаком, выражая всем видом готовность внимать.

– Хм... – протянул Соловей. – Ну, как ты знаешь, я в Москву двинулся сразу после развода. Уехал с одним чемоданом. В чемодане были носки, рубашки и... пачка денег от продажи моих «Жигулей». Приезжаю. 93-й год. У вокзала продают дипломы МГУ и покупают ваучеры, цыгане толкают дурь, «МММ» обещает триста процентов годовых... Сразу видно, Москва – город возможностей. Я снял комнату в коммуналке, пошел осматриваться. День хожу, осматриваюсь, два... Набрел на один бар-ресторан с бильярдом. Ты помнишь, я на бильярде неплохо играл. И сейчас балуюсь, но в те годы – кто-то вечером бежит к жене и детям, а я бегал к шарам и кию, в Домске для меня уже равных партнеров не было. Короче, смотрю: цены в ресторане такие, что инженер из Домска может ползарплаты за ужин оставить. А люди пьют-едят и не жалуются, а потом у зеленого сукна делают ставки без всякой экономии. Серьезные люди подобрались.

Я к ним: примете? Ну, давай, говорят, сыграем партию в американку. Я сыграл с одним партию – выиграл, с другим – выиграл. Тогда прочих отодвигает, выходит мужик с во-от такими плечищами. Сам невысокий, а плечи как у шкафа, ручищи длинные, пальцы ловкие. Выглядит примерно как горилла, а по глазам видно, что мужик умнейший. Давай сыграем, говорит мне Георгий Шалвович. Это я потом узнал, что его так звали. Давай сыграем, говорит, только ставку поднимем, а то у меня азарта не будет. Насколько, спрашиваю? А хотя бы штуку баксов, говорит. Я стою, размышляю. Он рукой махнул, говорит: ладно, с тебя штука, а с меня – две, если ты у меня выиграешь. Тут уж я не мог устоять.

Разбили мы пирамиду. Георгий Шалвович с первого же раза, с отскоком от борта – мяч в лузу. Затем – нижний боковой винт, биток катится по дуге и от трех бортов – в лузу! Я думаю: ах ты собака, да ты развел меня с двумя штуками как ребенка! Ты же играешь как мастер спорта! Четыре шара Георгий Шалвович забил, а потом удача ему изменила. Пришел мой черед бить. Ну, тут я

потанцевал у стола! Айн, цвай, драй – забиваю как бог! Удары у меня были – как для кино. Дошел я до шести шаров. Смотрю: Георгий Шалвович стал хмур. Ну еще бы! Проигрывать никто не любит. Но я замечаю: у стены два мордоворота стояли, так они придвигаются к нему и как-то нехорошо меня глазами буравят. А Георгий Шалвович брови свел и на своих мордоворотов поглядывает: мол, давать им сейчас команду «фас» или конца игры дожидаться? Я кий натираю мелком, а сам думаю: что я за человек, почему так люблю выигрывать?

В общем, седьмой удар я такой сделал, что в анналы можно записывать. Сейчас повторить не сумею. Вдоль длинного борта, два отскока, третий – и...

Соловей сделал драматическую паузу.

– И что? – поторопил Михалыч.

– И шар вылетает со стола, – улыбнулся Богдан. – Понятно, удар переходит к Георгию Шалвовичу, и через полчаса он завершает партию.

Половина моих старых «Жигулей» утекла к нему в карман. После чего он пригласил меня за стол, мы разговорились. И Георгий Шалвович позвал меня к себе работать. Давай, говорит, средства у меня солидные, дел по горло, вон вчера пришли девять вагонов с лесом, хорошо бы их на вертолет обменять или на ксероксы, а заняться этим некому. Я говорю: да я раньше дел с лесом не имел... А он: ничего, научишься, ты парень умный. Я, говорит, это сразу понял, когда ты мне седьмой шар отдал.

Так я стал работать на Георгия Шалвовича. Если бы «Форбс» в то время вел учет российских миллионеров, Георгий Шалвович в первые два десятка вошел бы – это к слову о больших деньгах, – закончил Богдан.

Михалыч покачал головой задумчиво.

– Значит, вот как было. Лес на ксероксы... Там ты разобрался, что к чему, вырос, а лет через пять отделился и открыл свое дело... Так? Когда тебя уже все знали, связи налажены и капитал появился... Да?

Соловей усмехнулся.

– Нет. Я через неделю ушел от него. Посмотрел на парней с автоматами, которые у него в офисе прописались, послушал разговоры... Он же бандит был натуральный, Георгий Шалвович. А у меня какие-никакие идеалы. Да и к лучшему, что ушел, его через полтора года расстреляли вместе с охраной.

– Ах ты жук! – воскликнул Воеводин. – Я рот раскрыл, слушаю: как закалялась сталь, тыры-пыры... а ты!

– Нет, это ты жук, Михалыч! – возразил Богдан.

Он давно отметил, с каким тщанием официант выполнял их заказы, как другие официанты нет-нет да и поглядывали на Михалыча, как перемигнулся тот с барменом. Одно из двух: либо бывший инженер Воеводин стал местным авторитетом, во что Соловей не верил, либо...

– Это ведь твой бар?

– Мой, – широко кивнул Михалыч. – И пивоварня моя.

– А что молчал?

– Да ну! А если б не понравилось тебе пиво? Не люблю, когда из вежливости хвалят.

Богдан собрался прощаться, но старый приятель уговорил его задержаться еще немного: я тебе такую бутылочку открою, из особых запасов, на аукционе в Штатах купил... выдержанный императорский стаут, коллекционный.

Принесли две пол-литровые бутылки с развесистой короной на этикетке, два круглых бокала-снифтера и, что удивило Богдана, шоколадный пирог на закуску. В бокал полилась жидкость угольно-черного цвета, давшая плотную, сердитую полоску желтой пены.

И пока Соловей дегустировал стаут, Михалыч стал рассказывать ему, что открыл пивоварню с баром совсем недавно, год назад, а вообще-то у него еще два ресторана в городе есть, один пафосный, а второй – так, для семейных посиделок с пиццей, что крафтовое пиво – очень стоящая тема и народ прямо

ломится, надо, надо расширяться, это видно по всему, надо бы хоть пару-тройку магазинов в городе открыть, еще бар открыть, надо – но деньги! Зато если бы инвестиции привлечь... Ты, Толич, подумай, дело очень стоящее.

– Подумаю, – пообещал Соловей.

«Вот зачем ты со старым другом поболтать хотел, жук старый!» – про себя сказал он.

Воеводин воодушевился и пригласил завтра же поехать на пивоварню.

– Завтра не смогу. Родственные визиты, – строго сказал Богдан и одним глотком допил коллекционный стаут. – Позвоню тебе.

Они обменялись телефонами, похлопали друг друга по плечам, и Богдан двинулся к выходу. Он ощутил легкую смазанность движений: ноги шагали чуть шире, рука в замахе шла чуть дальше. Полтора литра пива – пустяк, хотя последнее, выдержанное, было, видимо, покрепче обычного. На секунду Богдан задумался: не вызвать ли такси? Нет, ерунда.

Он загрузился в стильную сигару «дээс». На заднем сиденье блестел лаковыми боками подарочный электромобиль, похрустывали плотные пластиковые пакеты с деликатесами. Примут ли Богдана там, куда он едет? Как примут?

– Ну, подарки все любят, – пробормотал он себе под нос.

Машина плавно скользила по улицам Домска, минуя улицы старых деревянных домов с кружевными наличниками и улицы советских пятиэтажек, каменные особняки с белой лепниной, церкви с изящными главами, липовые скверы, памятники... По прямой от бара в Заречье до того самого дома ехать минут пятнадцать, но Соловей, переехав плещущую ленту Межи, вдруг захотел сделать круг – посмотреть на город своего детства, своей молодости, а может быть, дать себе еще времени... И как назло, на повороте возле музыкального театра, на совершенно пустынном в этот момент повороте, ему махнул полосатой палкой гаишник.

«Ах ты, черт! Ведь я не нарушил ничего, какого хрена тормозишь меня, гаец? – ругался про себя Богдан. – И как пить дать проверит на алкоголь».

Он остановился и, скривившись, смотрел на идущего к нему молодого гаишника. Парень с большим любопытством оглядывал «Ситроен».

«Понятно. Мальчик никогда не видел такой красоты, как моя «дээс». Захотел рассмотреть поближе. М-да... придется договариваться».

Двадцать минут спустя он ехал в такси. Молодой да ранний гаишник согласился закрыть глаза на то, что Богдан слегка во хмелю, но требовал с него не по провинциальным, и даже не по московским, а прямо-таки по рублевским расценкам. Богдан торговался с ним, но много не выторговал и теперь пребывал в мрачном состоянии духа.

– Какой корыстной стала молодежь! – бурчал под нос Богдан и был сам себе противен. – Кстати, о молодежи... все же любопытно, ждут ли меня? Откроют ли мне объятья?

От сомнений ему стало еще грустней. Тогда он фыркнул, махнул рукой и вытащил из магазинного пакета бутылку дорогого французского коньяка, купленную в подарок. Богдан вытянул из горлышка тугую пробку и сделал два хороших глотка. Коньяк распустился на языке обжигаящим туманным букетом, побежал по гортани теплом.

– Это проверка качества, Степа, – подмигнул невидимому собеседнику Соловей.

Глава 5

– Обнажай наследника! – высунулся Степа.

Юля молча кивнула.

Ванна уже была полна воды, на поверхности колыхались пучеглазые резиновые рыбки.

– Опускаем Степаныча!

– Ааарrrrr!

– Степаныч доволен. Да-а, Степаныч доволен! Юля, куда ты?

– Я на минуточку.

– Плюх! Плюх! Ах, как мы умеем!

– Видите, я к вам вернулась.

– Мама бросила нас на целый день, а теперь вернулась, да, Быстрый?

Юля вздохнула и, смотря в угол ванной, сказала:

– Я сегодня... что-то на меня нашло. Не в себе была.

– Угу, угу. А сейчас – в себе?

Юля кинула на мужа странный взгляд и, не сказав ни слова, вышла из ванной. Ее выцветший синий сарафан мазнул подолом по косяку. Она только вечером вернулась домой, на вопросы сказала: «Давай попозже» – и вообще была какая-то притихшая – не тихая, как обычно, а замершая. Пришла и тут же скрылась в дела: готовить ужин, стирать, раскладывать вещи, возиться с Ясей... Она не сказала ни слова о своей сегодняшней выходке или о том, как ей было в первый день на работе. Не спросила о том, каково было Степе. Только: «Яся в порядке?» – «В порядке». Ладно. Отложим серьезный разговор до того времени, когда Быстрый заснет.

Яся бил по воде, ловил рыбок, тянулся к флаконам шампуня, стоявшим на бортиках, увлеченно грыз их пластиковые колпачки, хватал никелированный душевой шланг и радостно колотил им о бортик ванны. Степа стоял на коленях рядом с ванной и подстраховывал. Хорошо, когда нет других забот: только следить, чтобы Быстрый не поскользнулся, чтобы вовремя оказалась под рукой надувная рыбка... Плескаться вместе с Яськой и забыть на полчаса, что у тебя

работы с приложением столько, что убится можно, а времени – всего тринадцать дней... Угу, и ночей.

– Ну, давай вылезать. Пора, Быстрый. Сейчас мы тебя мягким полотенчиком, ага, полотенчиком вытрем... Та-а-ак! Ты написал на папу? Ты написал на родного отца? Юля!

Степа вышел в большую комнату, передал закутанного в полотенце Ясю жене, а сам стащил описанные бермуды и футболку и закинул их в стиральную машину.

– Не интересует ли вас этот, так сказать, совершенный образчик мужской красоты? – спросил голый Степа.

Юля, одевавшая Ясе подгузник, взглянула на мужа и чуть улыбнулась.

Степа принял несколько поз, какие принимают на сцене культуристы.

– Что-то я не припомню, мм... а когда мы в последний раз занимались этим? – произнес в воздух Степа.

Глаза Юли повеселели, она собиралась что-то ответить, но ее перебила тихая трель звонка.

– Я посмотрю, кто там.

Она опустила сына в кроватку, стоявшую в красненькой спальне, и пошла на двор, к калитке. Степа тем временем нырнул в беленькую комнату одеваться.

Со двора раздались приближающиеся голоса: Юли и мужской. Степа прикрыл дверь. «Чей же это голос? – попытался припомнить он. – Похож на... похож на... Тьфу, ведь вертится ответ где-то близко!»

– Я к вам практически с официальным визитом, – сказал мужчина за дверью.

Степа застыл перед платяным шкафом с футболкой в руке. Неужели это?..

– Как посол с дарами. Оливковые ветви устарели, вместо них вручаю автомобиль.

Богдан – а это был Богдан Соловей – сгрузил дары на пол. Алый кабриолет грузно приземлился на четыре колеса, банки с икрой в магазинных пакетах брякнули о доски.

Юля ногой сдвинула забытый тазик к стене и посмотрела на гостя с опаской.

– Прошу прощения, я не расслышала, вы к Степану... по делу?

– По делу первостепенной важности! – заверил Богдан. – Ведь что может быть важнее Встречи? Сердце к сердцу, так сказать...

Юля прищурилась, и Богдан, верно предположив, что его могут попросить на выход, добавил:

– Я его отец.

Юля негромко и удивленно охнула. Степа за дверью беззвучно застонал.

Богдан оглядел комнату, покачался с носков на пятки, и качнулся так сильно, что вынужден был схватиться за печь.

– Не возражаете, я присяду?

Не дожидаясь ответа хозяйки, он плюхнулся в кресло. Юля пристроилась на стуле напротив, представилась гостю и узнала его имя в ответ. Богдан, поблескивая глазами, рассматривал ее без всякого стеснения.

– Носатенькая... Сара, таки у девочки скромные запросы – она вышла замуж за нашего сына! – бормотал себе под нос визитер.

Юля между тем смотрела на дверь в беленькую, недоумевая, почему Степа не выходит.

– Что? – не расслышав, спросила она.

– Нет-нет, я молчу!

Юля, не зная, о чем заговорить, вежливо начала:

– Как вам Канада?

Носатенькая и со странностями, подумал Богдан, но поддержал беседу:

– Знаете, мне нравится! Просторы – во! И при этом нет у них комплексов, нет мессианства, в отличие от нас. Живут тихо, но припеваючи.

– Да... – сказала Юля. – Я, к сожалению, очень мало про Канаду знаю. Но вы верно сказали, живут тихо. Как-то и новостей из Канады не бывает. По-моему.

– Ну почему? – возразил Богдан. – Недавно была новость: местные буддийские монахи в знак сочувствия выпустили в океан восемь коробок лобстеров.

Степа, застегивавший манжеты белой рубашки, зажмурился. Еще минуту назад он собирался выйти к ним, но сейчас понял, что это уже чересчур. Весь сегодняшний день – чересчур. Утренний путч Юли, потом конкурс и вопли Бориса: «Мы лузеры и нам ничего не светит...» А теперь еще и отец – нет!

Степа схватил со стола мобильный и написал эсэмэс.

У Юли коротко загудел телефон. «Скажи я на работе и буду поздно», – прочитала она.

Степа (в белой рубашке и серых костюмных брюках, надетых, когда он еще собирался выйти к гостю) в это время открыл окно, влез на письменный стол и босыми пятками вперед полез наружу. За окном стыдливо розовели в темной листве цветы шиповника.

Юля сообщила визитеру, что Степа будет нескоро. Богдан ответил, что подождет. Наверно, надо было бы возразить, предложить прийти завтра, но Юля отчего-то смутилась перед этим шумным, красивым, по-хозяйски

расположившимся мужчиной, так непохожим на ее мужа. Она предложила выпить чаю, на что получила милостивое согласие.

Она спохватилась и заглянула в красненькую. Яся лежал в своей кроватке-манеже, раскинув руки и ноги, приоткрыв рот. Его черные ресницы бросали на щеки нежные тени. Юля накрыла уснувшего сына пеленкой и прикрыла в комнату дверь.

– Кстати, а что едят в Канаде? – спросила Юля, доставая из шкафчика печенье. – Я совсем ничего не знаю про их кухню.

– Милая Юля, – укоризненно сказал Соловейотец. – Ну какая нам разница, что они там едят? Вы меня видите первый раз. Вы стесняетесь. Скажите прямо: я стесняюсь! И слезьте уже с Канады! Давайте поговорим про Японию, острова Туамоту, в конце концов, Бангладеш!

Юля стушевалась и увела взгляд к буфету. Затем тихо ответила:

– Я думала, вы живете в Канаде. Мне Степа так говорил.

Степан Соловей в этот момент прыгал среди кустов шиповника, беззвучно ругаясь. Свежая рубашка была растерзана кустами. Левую его брючину до колена украсили потеки белой краски. Он совсем забыл, что два дня назад начал красить резные наличники и, не закончив работу, оставил под этим окном табуретку с кистью и початой банкой краски «Айсберг матовая». Спускаясь задом из окна, он угодил ногой на табуретку и опытным путем выяснил, что банка была закрыта неплотно, а табуретка переворачивается на раз.

В доме же Богдан объяснил Юле, что не жил в Канаде и даже не бывал там, а живет в Москве.

– Наверно, это я не так поняла. Или Степа шутил, – нервно улыбнулась Юля (отлично помнившая, что Степа говорил серьезно). – Извините!

От расстройства и неловкости она налила варенье не в розетку, а прямо в блюдце с печеньем.

– Вас извиняю с удовольствием, а Степочке за такие шуточки надо настучать по головке, – сказал Богдан. – Ну, забудем. Давайте лучше о вас. Вы, я вижу, любите оригинальные десерты.

Он поднялся, подхватил пакеты, все еще лежавшие посреди комнаты, и пошел с ними к Юле и кухонному столу.

– А я человек простых вкусов. Я люблю черную икру, – говорил Богдан, выгружая деликатесы. – Красную икру. Сервелат «Идальго» – пожалуйста. Французский коньяк – хороший, я продегустировал. Свежий багет с хрустящей коркой... Кстати, а где мой внук и наследник?

– Он спит, – вздрогнула Юля. – Но если вы... Вы, наверно, хотите взглянуть? Конечно. – Она указала на дверь в «красненькую». – Только, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!.. Тихо.

– Успеется! – махнул Богдан. – Не будем мешать наследнику спать. Что у нас еще? Так, маслины «Гигант»...

На улице начинало холодать. Было почти девять вечера, на деревья и двор ложились сизой вуалью сумерки. Степа приобнял яблоню и уныло раздумывал, что же делать. Босые ноги мерзли, да и тонкая рубашка не спасала от свежего ветра. Долго он так не прогуляет. М-да. А отец, судя по всему, не торопится... И уехать нельзя – в доме слышен будет звук заводящегося мотора. Он сел в «девятку», не захлопнул, а осторожно прикрыл дверь. Через щель тянуло тем же холодом. Включить обогрев, не заведясь, было невозможно. Степа опустил голову на руль и глубоко вздохнул.

Да ёксель-пиксель! Получается, отец его выгнал? Выгнал его из собственного дома?

Подброшенный этой мыслью, он выскочил из машины и понесся к крыльцу, сердито сопя.

Когда он распахнул дверь, Юля и отец сидели за обеденным столом. Юля как раз поднесла ко рту бутерброд с икрой, а Богдан опрокидывал рюмку коньяка.

– Ох ты ёш, в каком ты виде! – изумился Богдан. – С работы – босой?

– Я в сенях разулся, – угрюмо ответил Степа.

– Где ж тебя так колбасило-разукрасило? – Отец встал и обошел вокруг подранного, заляпанного сына. – А Майя говорила, ты агент по недвижимости...

– Да, я агент, – ответил Степа, все больше чувствуя себя идиотом и будучи ничего не в силах с этим поделаться.

– Ладно, не буду пытаться, – великодушно сказал отец. – Не все истории можно рассказывать при жене.

Юля подняла бровь, но промолчала.

– Яся уже спит. Присаживайся, выпей чаю, – сказала она Степе.

Пять минут назад она злилась на мужа-враля, но его расхристанный вид и угаданная за ним траектория мигом смягчили ее.

– Давай к нам. – Богдан встал и распростер руки. – Давай, Степка, обнимемся. Так сказать, почеломкаемся!

Степан отвернулся и шагнул к буфету, взял кружку и, обнаружив, что фарфоровый заварочный чайник обосновался перед женой и отцом, налил себе просто кипятку. С этим он уселся в кресло, стоявшее на максимальном расстоянии от обеденного стола.

– Вирус у меня, – сказал Степа и схватился за горло. – Вирус, угу. Чувствую, что простудился. Я это, буду держаться подальше.

Богдан сочувственно зацокал языком.

– Мы тебя вылечим, – пообещал он.

Богдан встал и, слегка кренясь на бок, дошел до массивного буфета.

– Помню старика, – хлопнул он по гладкому дубовому боку. – Глубокоуважаемый шкаф. Модель «Мечта Дормидонта». Это удивительно! По планете катятся смерчи и цунами, рухнул Союз, появились унитазаы со светомузыкой, ракетой уконтрапупили Бен Ладена, на фейсбуке ввели хештеги... А в этом доме – шкаф, неубиваемый холодильник ЗИЛ, щели между половицами, тазик под капли, печь. Все как тридцать лет назад.

Он вытащил из недр буфета граненый стакан.

– И конечно, удобства во дворе. Туалет типа сортир. Окошечко над дверью, резаная газета «Правда» и прочая сельская романтика.

Степа прикрыл глаза. Сколько еще он будет терпеть?

– Извини, разочарую, – сухо сказал он. – Мы вместе с отчимом сделали канализацию. Угу. Давно.

– А-а... Вместе с Артемом! – через губу произнес Соловей-старший. – Юля, вы знаете анекдот: сколько военных нужно, чтобы вкрутить одну лампочку? Нет, молчу. О муже бывшей жены – либо хорошо, либо ничего.

Богдан налил из затейливой, гитарного силуэта бутылки коньяк – себе в рюмку и в двухсотграммовый стакан до кромочки.

– Хлопнешь стакан, – протянул он его Степе, – ложку меда, если имеется, и спать! Утром встанешь огурцом.

– Нет, нет... – начал было Степа, но осекся. – Хотя да! Угу! Хлопну – и спать.

Тут Богдан убрал руку со стаканом.

– Нет, погоди. К тебе что, каждый день отец приезжает? Десять лет мы не виделись – а ты спать?

– А почему, – смущенно спросила Юля, – почему вы не виделись? Прошу прощения. Москва не так далеко... Почему вы не приехали к нам на свадьбу?

Богдан сморщил лицо, словно откусил от кислого яблока, махнул рукой и выпил свою рюмку, сказав: «Ваше здоровье».

– А зачем, извини, пожалуйста, нам видаться? – сказал жене Степа. – Свой отцовский, отцовский долг он выполнил. В том смысле, что слал алименты из Москвы.

– Упрекаешь? – возмутился Богдан.

– Никак нет! – ответил Степа по-прежнему Юле. – Я что – я благодарен должен быть. Угу, благодарен. Если посчитать, сколько на меня трчено, – десять лет назад отец пытался подсчитать, но сбился – мне теперь не расплатиться вовек.

– Что с тобой говорить! – закатил глаза Богдан. – Юля, вам нравится Париж?

Юля пожала плечами и улыбнулась слабо, как постник, которого спросили, любит ли он вареную ветчину.

– Paris! La plus belle des villes...[1 - Париж! Самый красивый из городов... (фр.)] – прошелестела она.

– В смысле, еще не были? Жаль. Прогуляться под платанами Латинского квартала, выпить пару бокалов вина на Монмартре, в кабаке, где гулял Тулуз-Лотрек... Вы могли бы, Юля! Вы могли бы сплясать канкан у Эйфелевой башни! Я не приехал к вам на свадьбу, был занят, но я оплатил вам свадебное путешествие в Париж.

Глаза Юли округлились.

– Не спорю, подарок экстравагантный... Ах, Степа вас о нем не уведомил?

Степа вожаделенно посмотрел на стакан с рыжей влагой: в нем заключался конец вечера.

– Мы отлично отдохнули на Соловках, – отрезал он.

– Ты б еще на Колыму ее в свадебное путешествие повез. А эта рухлядь во дворе? Юля, я на двадцать пять лет ему «БМВ» хотел подарить! Да, я впахивал, у меня не было времени на сюси-пуси, но я для этого паршивца, пардон... И для внука тоже. Звоню: нужны деньги? Только скажи, Степка! На что тебе? Люлька с подогревом? Подгузники от кутюр? Пожалуйста. Нянька со знанием трех языков? Будет! – (на этих словах Юля вздрогнула и вонзила в Степу кинжальный взгляд) – Эй, але! Кому нужен отец-миллионер? Дать объявление, что ли?

Больше всего в этот момент Степе хотелось, чтобы его отец провалился сквозь землю – или хотя бы туда, где он обретался последние двадцать лет. А Юля сидела как оглушенная, запустив пальцы в темные кудри.

– Мы хорошо отдохнули на Соловках, но почему ты ни слова мне?.. Про отца и прочее, – тихо спросила она мужа. – И Канада эта...

– Все, у меня голова болит! Да! – встал Степа. – Точно грипп. Спать! Спать-спать.

Ни на кого не глядя, он подошел к столу и потянулся к налитому стакану, но Богдан быстро выдернул его. Коньяк плеснул на стол, и пахнуло крепким ароматом.

– Э, нет! – воскликнул он, держа стакан на отлете. – Подождешь, болезный. Нет, рассудите, Юля, разве так нужно встречать гостей? Мол, приперся, блудный отец, иди отсюда... Эх!

Лицо Богдана скривилось, от обиды он отвернулся...

– Меня – блудным отцом назвал! – с надрывом сказал он, а затем, словно впервые заметив стакан в своей руке, поднес его к губам и выпил одним духом.

Юля и Соловей-младший замерли. Через остекленевшие глаза Богдана прокатилась какая-то волна, он весь поплыл, и лицо его, секунду назад горевшее гневным огнем, стало мягоньким и дурашливым.

– Сидите как сычи! – фыркнул он от смеха. – Нельзя к вам сюрпризом приезжать, скучные вы люди. Завтра приду без сюрприза. Пойдем в парк. Шашлыки, карусели, внук порезвится на травке... Кстати, где мой внук?

– Он спит, – быстро ответил Степа.

– Жаль. Да, маму возьмем, все вместе, семьей посидим... Степка, я уже не помню, я тебя на каруселях катал?

– Ты? В те годы, когда я любил карусели, ты предпочитал бильярд.

Соловей-старший не услышал упрека. Он откинулся на стуле и запрокинул голову, словно на потолке для него одного показывали кино.

– Или не ходить никуда? Просто собраться всем вместе, за одним столом, – неторопливо говорил Богдан (дикция его уже теряла отчетливость). – За одним столом, под одним абажуром, как у нас когда-то бывало... У деда Альберта на даче была замечательная веранда, вечером раздвинем стол, затопим самовар шишками... Мне с семи лет самовар доверяли. На столе – ничего особенного: сушки, летом арбуз. Над столом абажур дивного мандаринового цвета, вечером на него мотыльки летели. И как хорошо было! Я не знал, а это ведь были лучшие вечера в жизни. Концентрированное счастье. Запасалось тогда, в детстве, это счастье на последующие годы, как электричество в лейденских банках. Мои запасы мандаринового света... Всей семьей за овальным столом, и друзья приезжали... Разговоры до полуночи, смех, истории... за верандой сирень шумит, птица голос подаст. В самоваре шишки трещат. А мы вместе все, в светлом круге под абажуром: дед и бабушка, мать, дядья и тетки, я... Отец, правда, редко на дачу ездил. Я говорил, что мой отец был шахматный гроссмейстер? – неожиданно обратился Богдан к Юле.

Та покачала головой.

– Всесоюзного уровня. Дай бог, вашему мальчику его гены передадутся. Вот кто был голова! А мы уже так – по нисходящей. У меня труба пониже, а Степка – он вообще, у него между ушами только эхо гуляет – ау-у!

Степа сжал кулаки и зашевелил губами, будто подбирая слова, но так ничего и не сказал.

– Юлик, сочините мне хоть бутербродик какой, – махнул ей Богдан. – Что вы все поите без закуски!

Получив от хмурой Юли бутерброд с икрой, Богдан блаженно замычал. Юля же подошла к мужу и шепотом сообщила, что через десять минут пойдет умываться и спать, а он пусть с гостем разбирается как знает.

– Да убоится жена мужа своего! – неожиданно громовым голосом воскликнул Богдан.

Юля вздрогнула, Степа шикнул: тише!

– Готовите вы плохо, Юля, – сказал Соловей-старший. – То есть плохо, что вы не готовите. Вот пришел гость... Где пироги, кулебяки? Вы же сидите дома с ребенком. Правильно? Мне Майя рассказывала.

Юля решительно задрала нос и, отодвинувшись на шаг от мужа, пискнула:

– Неправильно! Я только что вышла на работу.

– Это как на работу? – взвился Степа. – Опять? Нет, в смысле...

– А что? А что? – дрожащим голосом вопрошала Юля-супруга. – Я девять месяцев отсидела, хватит! Простите! Да! Я теперь работаю!

Богдан вскинул руку.

– Подождите. А кто же сидит с моим внуком?

– Степа ищет няню.

Юля скрестила руки на груди и всем видом выражала непреклонность. Степа стоял напротив нее и мотал головой, будто не веря услышанному. Он раскрывал рот, собираясь что-то сказать, но не находил слов и закрывал рот. Богдан не замечал их пантомимы, он, выпятив нижнюю губу, сосредоточенно изучал пуговицу у себя на животе.

– Семья – как это сложно! – изрек Богдан. – Мучаемся все. Но – не спорю! – без семьи нельзя. Вот я – один как перст...

Вероятно, он хотел поведать нечто очень жалостливое, но Степа перебил:

– Семья – это когда нет справедливости! Да. Когда я соглашаюсь на то, что считаю несправедливым. И... и... и вообще вздором! А я соглашаюсь, потому что люблю, – сказал он, глядя на Юлю.

Юля попятилась и одними губами ему сказала: «Спасибо».

Богдан между тем встал и, пошатываясь, пошел к узенькой газовой плите, втиснутой между печью и раковиной. Бормоча себе под нос что-то про кофе, он снял с одной из двух конфорок эмалированный чайник с подсолнухом на боку и повернулся к хозяевам с вопросом:

– «Неспрессо» в капсулах есть? Ну хотя бы «Лавацца»?

Получив от Степы отрицательный ответ, Богдан разочарованно сказал «тьфу!» и отпустил чайник. Он полагал, что возвращает чайник на плиту, но плиты внизу не было.

С боем и звоном эмалированный пузан грохнулся об пол, из него выскочила крышка и, дребезжа, покатила по половицам.

За дверью, в красненькой, заплакал Яся. Его сон не поколебали разговоры, но такой тарарам разбудил бы и медведя.

Юля ахнула и кинулась в спальню. Обиженный плач младенца набирал громкость.

– Ох, извини! – воскликнул Богдан и побежал на подгибающихся ногах за Юлей. – Мальчик! Малыш! Мужик, не плачь! Ты же мужик!

Пьяный, рвущийся к сыну – это стало для Степы последней каплей.

– Отойди, отец! – рявкнул он.

Соловей-старший, проигнорировав его, лез в красненькую, откуда гневно сверкала глазами Юля с орущим Ясей на руках. Тогда Степа, зайдя сзади,

обхватил Богдана поперек живота, поднял и понес к выходу.

Над Домском в чернильном небе распустили иголочные лучи звезды и созвездия. Ветер ерошил макушки деревьев. На черном крыльце распахнулся желтый прямоугольник входа, и в нем возник силуэт двухголового создания о четырех руках, о четырех ногах. Две пары конечностей резво извивались. «Я тебя породил! Я тебя и убью!» – кричало в ночь создание возмущенным баритоном и отвечало себе вторым голосом: «Угу, размечтался!»

Глава 6

– А-а-а-а! – эта сирена включалась мгновенно.

Как только Степа опустил сына в кроватку-манеж, тот немедленно завопил. Степа сделал шаг назад – Яся закричал еще громче. Пришлось вернуться и взять его на руки.

– Быстрый! Ай-яй-яй, Быстрый. Как же папа работать будет? Папе очень надо работать, угу.

Был вторник, позднее утро двигалось к полудню, а Степа, обычно в это время просиживавший штаны в агентстве недвижимости или разъезжавший по показам квартир, пребывал дома с сыном. Как он и сказал жене вчера вечером, он остался, чтобы она могла выйти на работу в музей. Была и задняя мысль: во время этого отпуска «по семейным обстоятельствам» Степа собирался ударно поработать над приложением. (Пусть Борис сложил лапки, Степа не собирался сдаваться.) Возможность будет, ведь понятно же, что присмотр за младенцем много времени не занимает!

– Ладно, Степаныч, я с тобой полчаса поиграю, а потом ты меня отпустишь. Да? Часа на три. Нет? Ну, хотя бы на два. А?

Молодой отец спустил сына на пол, и Яся сразу пополз к стулу, на который была брошена рубашка. Сдернул рубашку, помял ее и, признав не заслуживающей внимания, пополз дальше, к «пилоту» со стоявшими дыбом проводами. Почти

схватил провод, но был перехвачен отцом.

– Нет, извини, извини, – говорил Степа извивающемуся младенцу. – Это нельзя. Нельзя. Надо нам с тобой поиграть во что-нибудь. Только я не знаю, во что. Могу рассказать тебе сказку. Угу? Пойдем на двор, а я расскажу тебе сказку.

Жил на свете Иван-Золушок. Другие Золушки? – нормальные такие Золушки?. В смысле, мечтают, что приедет к ним Фея-крестная, выдаст карету, башмаки хрустальные и костюм от Гуччи, отвезет на бал, а там на балу Принцесса как взглянет на Золушка – у-у! Ого-го! Сразу влюбится. Она влюбится, а Золушок, не будь дураком, женится на ней незамедлительно и королем станет. Угу. Так мечтали нормальные Золушки.

А наш Золушок, Иван, был особенный. Он про принцесс и не думал, он мечтал в своем садике на ясене яблоки вырастить. Да. Хоть одно яблоко, пусть даже надкусанное. Но только чтоб не простое, а золотое. Ему говорят: «Ты сбрендил? На ясене – яблоки?» – «Идите лесом, – отвечал всем Иван-Золушок. – Не троньте, угу, не троньте грязными лапами мою светлую мечту».

Как-то раз утречком выходит Иван-Золушок в садик, начинает ясень свой окучивать, поливать, удобреньями мазать... А мимо Добрый Волшебник летел. В голубом вертолете летел. «О! – думает Волшебник. – Щас я кого-то осчастливлю!» Заложил он крутой вираж над садиком, кричит сверху Ивану: «Эй ты, невежа! Хватит в гумусе копать, лови удачу! Я вместо Феи-крестной сегодня, добро причиняю!» Метнул он в Ивана хрустальные башмаки, а Иван увернулся. М-да. «А-а! У-у! Ну погоди! – разозлился Волшебник. – Щас я тебя одарю, щас ты у меня от восторга-то взвоешь». И пошел метать... пошел метать в Ивана подарки: шляпы касторские, пиджаки с аксельбантами, Венер мраморных, телевизоры с диагональю, сервиз золоченый на двадцать персон, бочонок с икрой черной, а потом четыре зимних колеса, одно за другим, а потом карету самоходную. Иван-Золушок бегаёт по саду, как заяц. В смысле, только успевает уворачиваться. А Добрый Волшебник кричит: «Одарю так, что по гроб жизни обязан будешь! Каждый день благодарить меня станешь!»

«Не надо мне! Ничего не надо!» – кричит ему Иван-Золушок из-за сарая. От этого Добрый Волшебник пуще прежнего рассвирепел. «Ах ты никчемный Ивашка! – отвечает. – Бери, что дают! Сам ты ни в жисть себе на такие прекрасные вещи не заработаешь». Тут уж Иван-Золушок обиделся. Угу. Поднял он малый чайничек от сервиза золоченого и метнул в Волшебника. Попал малый чайничек прямо в

винт голубому вертолету. Вертолет закрутился, задымился и – бумс – канул за горизонт. Вместе с Добрым Волшебником. Больше в тех краях Волшебника не видели. Да. А Иван-Золушок весь подарочный мусор на свалку вывез. Икру черну по земле разбросал заместо навозу. От такого удобрения все в саду зацвело и заколосилось, а на ясене – у-у! На ясене выросло яблоко золотое! Отослал Золушок чудо-яблоко на конкурс, получил в ответ кучу денег да почет с уважением и с тех пор жил припеваючи...

Разгуливая по саду, Степа сам увлекся своей сказкой – увлекся гораздо больше, чем Быстрый. Очнувшись от сказочного плена, он увидел, что Яси рядом нет, а из куста жимолости торчит кое-чья попка в голубых колготках.

– Ага. Не ценим, значит. Ой, не ценят меня! Родной сын мои таланты не ценит. Пойдем тогда. – Степа понес Ясю в дом. – Дай папе пораскинуть мозгами.

Он сгрузил Ясю в кроватку, высыпал туда же полдюжины игрушек и отправился к компьютеру. Только загрузилась операционка, как Степа услышал призывный крик Ярослава.

– Извини, дорогой. Извини, но нет. И даже пятая итерация воплей тебе не поможет. Папа волевой, папа кремень, он не будет твоей игрушкой, – сказал Степа, не отрываясь от компа. – Давай сам как-нибудь, ага, развлекай себя. А папа поработает.

Он погрузился в программирование и, как обычно, вскоре отключился от внешнего мира полностью. Прошло сколько-то времени... Полчаса? Час? Что-то стало царапать. Что-то нарушало его равновесие, какой-то звук пытался пробиться к нему, вытолкнуть из сосредоточенного написания кода.

– Яся! – вдруг очнулся Степа.

Яся истошно плакал, и, похоже, уже давно. Степа рванул к нему, с грохотом опрокинув стул, забежал в спальню. Яся катался по кроватке от одной сетчатой стены к другой и рыдал. Его круглое лицо стало красным, как помидор, слезы из зажмуренных глаз лились градом, ротик раззявился в отчаянное «ооааа!»... И как давно он так кричал?

– Ах ты, маленький! Ах ты, маленький! – беспомощно восклицал Степа.

Он прижал Ясю к груди. Тот содрогался у него на руках. Забытый, покинутый, потерявший надежду, что хоть кто-нибудь придет на его зов. Эй, вы! Вы, говорившие, что любите меня! Бросили, да? На лице малыша была горькая обида.

Степа прижимал его крепко, укачивал. Плечо стало мокрым от слез Яси. Но постепенно рыдания затихали.

– Прости, прости меня, Ясечка, – бормотал Степа ему в макушку. – Что ж такое... Ёканные пиксели! Ясечка, ну не могу же я все время с тобой! Кто с тобой утром скакал – я. Кто тебя кормил – я. Кто тебя в коляске укачивал – я. Кто сказку рассказывал – я. А потом папе надо коды писать. Иначе я не успею, угу, не успею игру на конкурс. Пойдем в ванную, пойдем, лицо тебе умоем. Степаныч! Бедный ты мой, прости. Я же не со зла, у меня просто времени нет. Времени. Через двенадцать дней – вынь да положь, кровь, да, кровь из носу. Приложение из носу. А как я его наковыряю за двенадцать дней? Тут нужно месяц, угу, месяц пахать. Ситуация от слова «ахтунг». Что мне с тобой делать, Степаныч? Не дашь ты папе работать, да?

Степа поцеловал Ярослава в нежную щеку, посмотрел на него – еще насупленного, трогательного, любимого. Этот маленький человек обладал своим характером, почему-то он не хотел сам по себе тихо играть в уголке, как малыши, которых показывали в кино, о которых Степа вроде бы слышал от знакомых... Проблема была в том, что писать программу невозможно, когда сын постоянно требует внимания.

– М-да, Степаныч. В таких случаях говорят: посмотрим, насколько вы замотивированы на успех... Замотивированы, охо-хо.

Чтобы вернуться к компьютеру, нужно было сделать только одну простую вещь: снова посадить Ясю в кроватку. Просто, быстро, жестоко. Это была бы жестокость, в которой Степу никто не упрекнет. О которой никто не узнает. Потому что Яся не расскажет, потому что Яська даже не вспомнит. Так что же, любезный кодер, решайте. Решайте, сильно ли вы хотите золотое яблоко.

– Его сейчас нет. Вы по какому вопросу?

– А когда он придет? – цепко оглядываясь, спросил Богдан.

Агентство недвижимости, где работал Степа, целиком поместилось в трехкомнатной квартире на первом этаже основательного столетнего дома. Стоял ли здесь когда-то глубокий сервант с хрусталем и диван, обитый колючей полушерстяной тканью, или через руины попоек маршировали шеренгами тараканы, – что бы ни было, но все следы бывшего уюта или неюта начисто вымел ремонт. Теперь эти комнаты походили на современный, офисный вариант монашеских келий. Впрочем, одну из млечно-белых стен сотрудники украсили календарем с пляжем и пальмами – для вдохновения, видимо: заработаем – поедем.

Женщина, с которой говорил Богдан, подбоченилась рукой с безупречным вишневым маникюром, объяснила, что Степан сегодня не появится на работе, и настойчиво спросила, может ли она чем помочь.

Эта длинноволосая особа с фигурой а-ля песочные часы вольно присела на край офисного стола, за которым согнулся унылый детина, и покачивала стройной ножкой, обутой в босоножку из золотистых ремешков. Она выглядела как дама, давно поставившая галочки в общепринятых графах женской состоятельности: муж есть, дети растут, дом-полная-чаша и так далее. Но поблескивал в ее сорокалетних глазах беспокойный огонек, заставивший Богдана автоматически распушить хвост.

– Очень надеюсь, что вы мне поможете, – игриво сказал Богдан.

Он подумал, что отсутствие Степы – хороший случай для того, чтоб расспросить о нем его сослуживцев, и осведомился у дамы в босоножках, могут ли они поговорить где-то наедине. Та немножко удивилась, пожала плечами, но пригласила его зайти в соседнюю комнату. На двери висела латунная табличка «Директор». Женщина села за обширный начальственный стол, и Богдан подумал: «Так даже лучше».

Он польстил вкусу хозяйки, одоблив копию Климтовского «Поцелуя», освещавшую лучами томления закуток между канцелярскими шкафами. Подал руку: «Богдан» – «Вероника». С удобством уселся в кресло перед столом, а когда красотка-директорша поинтересовалась, в чем его дело, сказал то, что пришло ему в голову две секунды назад:

– Тут такой тонкий вопрос... Степа попросил у меня в долг приличную сумму денег. Я доверчив, как котенок, но тут призадумался!

– Не верите ему – не давайте! Хотя я бы ему одолжила. Уж кто-кто, а Степа – человек обязательный. И вообще, у нас в агентстве обманщиков нет!

– Ни секунды в его честности не сомневался! – воскликнул Богдан в тон. – Но ведь есть еще обстоятельства...

– Какие обстоятельства?

– Во-первых, человека могут уволить... – многозначительно сказал Богдан.

Между бровей Вероники возникла морщинка. Она задумчиво накрутила на палец блестящий локон оттенка корицы.

– Да, кризис... Хотя Соловья я бы увольнять не стала. Не потому, что он у нас звезда, – этого и в помине нет. Как агент он... – Вероника скривилась, – без огонька. Посредственность. Но у него же ребенок маленький!

– Знаю-знаю. Видел мельком – чудесный малыш.

– Вот я его защищаю, а он сейчас пятерых клиентов на меня свалил! – с досадой сказала директорша. – Взял отпуск за свой счет, мол, семейные обстоятельства. Не знаю! Думайте сами, одалживать или нет.

Богдан покивал с умудренным видом, а Вероника тут же поинтересовалась, для чего Степа берет в долг.

– Хочет купить новую машину. Каприз, не спорю...

– Вот уж не каприз. У него такая развалюха!

– Согласен. Я даже думаю: может, хрен с этой дачей в долг? – уставился на собеседницу Богдан, будто ожидая ответа. – Я ведь мог бы просто купить ему машину!

Директорша изумилась.

– Ну да, какую-нибудь «Шкоду», «Фольксваген» – недорого и сердито – я вполне мог бы ему подарить, – продолжал Богдан невинно.

– С какой стати?! – наконец воскликнула риелторша.

– Как, я вам не говорил? Я же его отец.

Вероника откинулась в кресле и с минуту смотрела на довольно улыбавшегося Соловья-старшего, обиженно выпятив губу. Затем смиростивилась и тоже улыбнулась.

– Ну вы хитрю-уга! Хотя я могла бы вспомнить, что Степа – Богданович... Но он совсем на вас не похож! Ой, извините, – спохватилась Вероника, – если я что-то сказала про него резковато...

– Ничего нового про Степу я не узнал, – отмел Богдан.

– Между прочим, а просил ли он в долг? Или вы все придумали, чтобы меня попытать насчет него?

Богдан покался. Да, но... неужели вы устояли бы, если б заглянули, например, на работу к своему мужу... Рыжеволосая риелторша призналась, что не замужем, а точнее – в разводе. Богдан тут же удивился, какой осел отпустил от себя такую красавицу?! Накрутив еще пару комплиментов, Соловей поинтересовался, что Вероника делает сегодня вечером.

– Я занята, – лукаво улыбнулась Вероника.

– А завтра? – мгновенно спросил Богдан.

– Завтра тоже занята... – Вероника ожидающе замолчала, Богдан тоже молчал, и тогда она живо прощбетала: – Зато в пятницу вечером я иду на танго! Вы умеете танцевать танго? Если нет, не страшно, новичков тоже берем.

– Умею ли я танцевать танго? – На губах Богдана замерцала ленивая улыбка, предвестница расписной истории. – Десять лет назад я впервые приехал в Буэнос-Айрес. И знаете, куда я отправился первым делом? В школу знаменитых тангерос...

– Ты, Степа, мягковат, – сказала соседка Анна Витальевна и пощекотала Ясину пяточку. – У ти госпидя! – Яся игриво взвизгнул. – Из тебя, получается, жена веревки вьет. Любой каприз – пожалуйста. Что это значит – захотела на работу выйти? А ребенка рожала зачем? Как вообще Юля вздумала тебя с Яськой оставить?! Ты же все можешь забыть, перепутать! Это не ты сейчас должен маяться тут, Юля должна. Она мать или кто? У ти госпидя!

Яся, сидевший на руках у Степана, снова взвизгнул и бросил кокетливый взгляд на полную и румяную, как булочка, Анну Витальевну. Степа же стоически сносил нотацию, надеясь, что взамен пожилая соседка, жившая во второй половине дома, согласится забрать Быстрого хотя бы на пару часиков.

– А это тебя кто разукрасил? – Соседка показала на Степино лицо, и тот вспомнил, что верхняя губа у него разбита – привет от отца, что называется.

«Я же не спрашиваю вас, почему у вас нос в белой пудре, мука ли это?» – подумал Степа, но ответил кратко:

– Так, о шкаф приложился.

– У ти малипуська! – снова запищала Анна Витальевна, а потом продолжила допрос обычным голосом: – Извини меня, а бабушки ваши?

Степа перехватил Ясю поудобней и вздохнул. Прежде он не раз советовал Юле попросить о помощи соседку, милейшую женщину, подкинуть ей Ясю на часок, теперь же Степа начал понимать, почему жена на эти советы отвечала только: «Нет-нет».

– Вы же знаете, моя мама, она в Питере вместе с мужем...

– Приехали бы!

– Работа у них. Угу. А Юлина мама...

– Вот именно, Юлина-то мама!

– Ну, тут, м-да... как бы сказать, – замялся Степа, – все сложно. Тоже не может.

– Ай-яй-яй, куда это годится? – покачала головой Анна Витальна и сделала Ясе козу. – У ти мой цыпленочек-малышоночек! Пойдешь к бабе Ане? Пойдешь? Я тебе пюрешечку сделаю...

Румяная соседка, так уж и быть, согласилась взять Ясю на час. «Больше не могу, у меня еще дел полно, да и спина болит, в прошлый раз за внучкой побегала, а у нее в попе будто пропеллер!..» Степа передал сына с рук на руки и рванул домой.

Оказавшись за компьютером, он начал не с программирования, а с более срочной задачи. Няня! Нужно было немедленно, еще вчера, найти няню. Поиск привел Степу на сайт, заполненный множеством объявлений, с фото и без. Десятки жительниц Домска готовы были «окружить ребенка теплом и заботой». Все потенциальные няни писали, что любят детей, а некоторые – что очень любят. Все сообщали, что они неконфликтны, коммуникабельны, ответственны и надежны. Дальше начинались вариации.

Одна няня знала все детские песни и, окончив музучилище, прекрасно пела и играла на аккордеоне. Другая в совершенстве владела французским. Третья с гордостью сообщала, что жила в Румынии и работала в посольстве. Все они, увы, были для Степы дороговаты. Четвертая, рассказывавшая сказки на русском и английском языках, запрашивала в три раза больше, чем получала Юля в своем музее. Эта роскошная няня имела загранпаспорт, шенгенскую, английскую и американскую визы и могла немедленно выехать с семьей подопечного на любой из зарубежных курортов.

Степан решил отказаться от высокообразованных нянь, пока финансовое положение их семьи не улучшится кардинально.

Затем он отмел «няню професанальную», похожую на торговку семечками, и даму с глазами-буравчиками и педагогическим стажем в двадцать пять лет, обещавшую: «Быстро научу вашего ребенка соблюдать распорядок дня» (она

напомнила Степе его свирепую первую учительницу). Но выбор все еще оставался ошеломительно велик.

Стоило ли предпочесть мать двух сыновей, которые «учатся в гимназии без троек»? Или бабушку троих внуков? А может быть, лучше позвонить няне, написавшей о себе: «Я, увы, одинока, поэтому отвлекаться во время работы на семью нет причин»?

Одни няни сообщали о себе крайне мало. Другие давали массу подробностей, от внушающих трепет: «Воспитала четверых восточноевропейских овчарок... кандидат в мастера спорта по самбо и дзюдо» – до элегических: «Меня бросил муж, знак зодиака – Дева, всегда надеюсь на лучшее, рост 160 см, вес 90 кг».

Степану понравилось фото русоволосой женщины с мягким печальным ртом, написавшей: «По утрам обливаюсь холодной водой и медитирую». Он прокрутил страницу вниз, чтобы выяснить, по карману ли им эта няня, увидел огорчительную цифру и не успел вздохнуть, как услышал требовательный звонок в калитку. Степа недовольно загудел. А ведь еще полчаса не прошло! Эх, Анна Витальна...

Выйдя в сени, Степа на всякий случай приостановился и глянул через квадратики стекла наружу: соседка ли это?

За сизым забором, достававшим ему до середины груди, лениво прогуливался отец. Он с иронией оглядывал Гороховую улицу, задирая нос так, будто был Сальвадором Дали, посещающим хохломских ложкарей.

Отец повернул голову, и Степа мгновенно присел. Спрятался. И еще нагнулся, чтоб голова уж точно была ниже окон.

«Тр-р-рень!» – задребезжал снова звонок.

Степа затаился.

– Да видел я тебя! Я знаю, ты дома! – крикнул отец с улицы.

«Трень!» – подтвердил звонок. Пришлось вылезать.

Степа нехотя выбрался наружу, думая: почему он все время так вляпывается при отце? Почему при нем он выходит полным идиотом?

Он остановился перед калиткой, положил руку на железный запор, но рука не хотела открывать. Вот он стоит, родитель, десять лет не заезжавший в Домск... Некогда было. Все дела, заботы: то миллионами ворочать надо, то на яхте паруса переставлять, то девушек обихаживать. И так далее. Угу. Так давай! Живи дальше своей удивительной жизнью, сюда-то зачем? Звездить, понятно. Сиять. Гулять в белом фраке на фоне унылых недотыкомов, ага.

Лет восемь назад, вскоре после окончания университета, Степа последний раз видел отца – приехав в Москву, позвонил ему, но лишь по настоянию бабушки Майи. Два часа концентрированной неловкости, вечер, при одном воспоминании о котором Степа втягивал голову в плечи и прикрывал глаза. Ресторан в высотке со звездчатой панорамой ночной столицы, посетители с невидимыми, но ощутимыми ярлыками «большие деньги»... То, как снисходительно на Степу смотрел даже официант... «Стоящее вино, – отпивает из бокала отец. – Ты попробуй. Пользуйся моментом, а то когда еще. С твоей-то зарплатой». И вино на языке превращается в укус. Потом отец учит его есть лобстера... Розовая клешня выворачивается из-под вилки и летит в бритый затылок соседа... Охо-хо.

Степа, набычившись, смотрел через забор на отца.

– Отсидеться хотел? Ну и ну. Третий класс, штаны на лямках.

– А ты, никак, пришел извиняться? – глухо сказал Степа. – Ну и ну. Отец пришел извиняться.

На миг Богдан уменьшился в размерах. На его лице задрожала жалкая улыбка, но он тут же совладал с собой и оскорбленно вытаращился:

– Я?! За что?

– За все хорошее.

Степа указал пальцем на свою губу. Отец сделал удивленное лицо.

– Ага. Да. Это ты мне губу затылком разбил.

– Интересно девки пляшут! – воскликнул отец. – А я и не помню. До чего довели меня!

Степа хмыкнул. И вдруг его осенило: он не обязан терпеть отца! Не обязан! К черту! Сколько раз он мечтал обрубить эти фальшивые узы, в которых нет уже никакого родства, только стухшая вежливость! Но его что-то держало – сам он не понимал что: почтение, вдолбленное в самом детстве, или просто тугодумие? Так вот же – причина, вот тебе топор в руки, бери – руби!

– Мне губу разбил – пусть, – начал Степа. – Но ты обидел Юлю! Юлю! Ты напился! В хлам, да! Ты пьяным полез к ребенку! Ты напугал Ясю! – Он старался раскрутить в себе спираль гнева, но пока что получалось только орать громче.

– Спокойно. – Отец нахмурился и отступил на шаг. – Во-первых, потише, я не глухой. Во-вторых, сын твой спал, я и носа его не увидел.

– Ага, ага, спал! Пока ты не начал буянить.

– Степан! Хватит уже через забор лаяться. Открывай.

Отец стоял, уперев руки в бока и широко расставив ноги, и смотрел на Степу с таким ироничным укором, будто Степа был карапузом, тренирующим слово «нет!». В лучах его взгляда Степины претензии мельчали и маршировали прочь на подгибающихся ногах. Ясю разбудил упавший чайник – так у любого упасть может. А что напился отец... но сейчас-то он трезвый! Отчего не пустить?

– И Ясю ты разбудил, и вообще прямо... – повторил Степа. Отец фыркнул. – Почему я должен?.. Идиотизм какой-то. Да еще губу мне разбил, угу.

На соседской груше, трепетавшей майскими листьями и облетающими цветами, хрипло закаркала ворона. Мимо по улице прошла квадратная тетка в красном платье, эдакий красный куб на кегельных ногах, и с любопытством покосилась на двоих, разговаривавших через забор.

– Степан Богданыч, вы ломаетесь, как девица. А я всего лишь хочу взглянуть на внука и наследника. – Отец сделал паузу, но не дождался никакой реакции. – Вот балбе-ес. Уперся рогом, да? Дурачок.

Степе аж кровь в глаза бросилась. Сам себя он мог иногда называть дураком – а кто себя так ни разу не называл? Но если вдруг дураком (тормозом, балбесом, кретином и далее) его называли другие – например, в пылу дорожной склоки – у него мигом вылетали пробки. Никакие прочие оскорбления, сколь бы грязными они ни были, на него так не действовали.

– Баста! – рубанул воздух рукой Степа. – Все!

Он развернулся и зашагал по траве к дому.

– Даже чаю не предложишь? – кинул ему вслед Богдан.

– Хватит с меня! – рявкнул Степа вне себя от гнева. – Ты! Тебе зачем сын-дурак? А мне ты даром не нужен!

– Ух! Темперамент! – театрально вздрогнул Богдан. – Не плюй в колодец, горячий ты мой, там золотишко лежит.

Степа вбежал в сени и через секунду вылетел оттуда с алым кабриолетом, вчерашним подарком отца, в руках. Он метнул машинку через забор и крикнул:

– Вот! Катись! Катись в свою Москву! А в этот дом дорогу забудь!

Глава 7

– Что я делаю? Пеленки глажу, – голубиным голоском лепетала Юлька. – Да, с двух сторон. Да, чтоб ни микроба... Ой! Яся проснулся! Прости, мам, я тебе вечером позвоню.

Она прикрыла глаза от стыда. Стыдно было не от вранья, а от того, что в ней ни на грош смелости. Сказать, что со вчерашнего дня бросила Ясю на мужа? Ха! Для Юльки это так же возможно, как выйти на канат под куполом цирка и прогуляться туда-сюда. Она не сообщала раньше матери о том, что ищет няню и собралась на работу, потому что та непрекаемо заявила ей: до года нужно сидеть с ребенком. Лучше бы до двух, но до года – это без обсуждений. Иначе... Дальше начинался длинный список тех травм и ущерба, который нанесет Ярославу разлучение с матерью. «Я сидела с тобой до двух лет. Сейчас вы, понятно, разбалованные, чем-то жертвовать – это для вас нелепость. Но хотя бы до года...» Вот так клубились, разрастались в Юлиной голове тирады маман, звучал громко резковатый, глубокий голос – хотя телефонный разговор закончился.

– Я даже не ожидала, что в провинциальном музее... – слышался восторженный голос, и в зал вошла пара лет сорока, он и она в одинаковых джинсах.

Юля переглянулась с пожилой смотрительницей зала и скорчила мину. Да знаете ли вы, что это один из лучших областных музеев?! Что у нас великолепная коллекция русского авангарда? Что наша «Мадонна с единорогом» Фра Анджелико только что вернулась с выставки в Нью-Йорке? Знаете ли... Мысленно Юлька разгромила столичных снобов в пух и прах, но они этого не заметили: они увидели Кандинского и, повернувшись к ней спиной, заахали перед свистопляской цветных фигур.

Юля беззвучно вздохнула и перешла в соседний зал. Там висела одна из ее любимых картин – «Парижский бульвар» Константина Коровина. Взгляд сверху на вечернюю реку людей, на сотни разноцветных огней – если постоять в тишине перед картиной, то через минуту начинаешь слышать неясный гул: будто шарканье тысячи подошв по бульвару, и разговоры, и смех, вдруг поднявшийся вверх женский голос, музыка, цоканье копыт по мостовой, скрип колес, шум ветра, а над этим взлетает шепот: «Oh, Paris!..» Юлька усмехнулась. Вот ее Париж. Чтобы попасть туда, ей не нужны деньги, виза и самолет. Этого Парижа ее никто не сможет лишить.

«Между прочим, это все благодаря родной матери», – произнес в голове знакомый голос.

«Между прочим, зайти в музей посмотреть на Коровина я и сама могу», – возразила Юлька. В своих мыслях она была весьма дерзкой спорщицей.

«Да-да, по билету, – снисходительно сказала маман. – Но работу хранителя в лучшем музее города ты получила только благодаря моим знакомствам».

На это ответить было нечего, поэтому Юля поспешила заняться делом. По внутреннему коридору она перешла во второе здание музея, пристроенное сзади к старинному графскому особняку. Особняк выходил на главную площадь и был виден всем, а этот невзрачный рыже-кирпичный дом не видел почти никто, ибо он смотрел на глухой переулок и был полускрыт высоченным забором, что к лучшему – внешность у него была самая заурядная. Зато внутри, на нижнем этаже и в подвале, находились сокровища. Пожалуй, за экспонаты хранилища не стали бы драться Лувр и Вашингтонская галерея, но по обычным человеческим меркам это были именно сокровища, и ради них, конечно, стоило возводить бетонный трехметровый забор и ставить видеонаблюдение.

Идя вниз по лестнице, Юля вспоминала свой вчерашний побег. Что это было? Словно вулкан в ней взорвался. Месяцами копил напряжение, а потом – бух! И пошли клочки по закоулочкам, вместе с Юлиным здравым смыслом... Какое счастье, что она не уехала вчера в Петербург! И как жаль, что она купила билет! Истратила две тысячи, отложенные на подарок Степе. Двенадцать дней осталось до его дня рождения, где она возьмет деньги?.. Вулкан взорвался, и теперь она чувствовала себя опустошенной и виноватой, но под слоями вины и сожалений грелось удовлетворение от того, что она таки добилась своего и вышла на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Париж! Самый красивый из городов... (фр.)

Купить: https://tellnovel.com/trufanova_tat-yana/schastlivy-po-svoemu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)